

18+

Вражда никогда
не была такой
сексуальной

MODERN
LOVE

СОПЕРНИКИ

SINCE 1962

ВИКИЛАНД

Modern Love

Ви Киланд
Соперники

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.111-31(73)
ББК 84(7Coe)-44

Киланд В.

Соперники / В. Киланд — «Эксмо», 2020 — (Modern Love)

ISBN 978-5-04-171432-1

Новый роман Ви Киланд. Один из самых рейтинговых романов автора. Более 20 000 оценок на Goodreads.com. Истори Ромео и Джульетты в современном прочтении, с неизменным юмором и куражом от талантливого автора. Эротика, любовь, семейные загадки и счастливый финал. Прекрасное пополнение серии. ВРАЖДА НИКОГДА НЕ БЫЛА ТАКОЙ СЕКСУАЛЬНОЙ! Вестон Локвуд — мой враг по праву рождения. Наши деды были лучшими друзьями, но умудрились поссориться прямо на свадьбе одного из них. Причиной раздора стала женщина. С тех пор славную традицию ненавидеть поддерживали наши отцы. Да и бизнес, который ведут наши семьи, делает нас естественными соперниками, поделившими рынок.

Все становится сложнее, когда мы с Вестоном получаем в наследство грандиозный отель от той самой роковой женщины, рассорившей наших дедов на долгие годы. Что делать с наследством? И что на самом деле произошло между нашими семьями в прошлом? И, главное, почему мы с Вестоном, враждуя, в конечном итоге раз за разом оказываемся в одной постели?

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-171432-1

© Киланд В., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	24
Глава 4	30
Глава 5	38
Глава 6	41
Глава 7	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Ви Киланд Соперники

Vi Keeland
THE RIVALS

Copyright © 2020. THE RIVALS by Vi Keeland

© Мышакова О., перевод на русский язык, 2022

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

*Любишь ли ты меня или ненавидишь –
мне подойдут оба варианта.
Если любишь, я займу место в твоём сердце.
Если ненавидишь, я навечно останусь в твоих
мыслях.*

Автор неизвестен

Глава 1

София

– Подождите!

Служащая протянула нейлоновую ленту от одной стойки до другой и пристегнула, перекрыв дорогу к выходу на посадку. Подняв голову, она нахмурилась, увидев, что я несусь к ней, таща за собой чемодан на колесиках. После бега из терминала А в терминал С я натужно дышала, как закоренелый курильщик.

– Чуть не опоздала, простите, можно мне пройти в самолет?

– Последнее приглашение было десять минут назад.

– Понимаете, у меня первый рейс задержали, из международного терминала пришлось бегом бежать... Ну пожалуйста, мне утром нужно быть в Нью-Йорке, а это последний рейс!

Не увидев в служащей сочувствия, я начала отчаиваться.

– Слушайте, – сказала я, – месяц назад меня бросил бойфренд. Я лечу из Лондона в Нью-Йорк, чтобы завтра выйти на работу. Работать придется у отца, с которым я никогда не ладила – он считает, что у меня нет нужной квалификации. Наверное, он прав, но мне позарез нужно было выбраться из Лондона... – Я покачала головой. – Пожалуйста, пропустите меня! Я не могу опоздать на работу в первый же день!

Женщина смягчилась.

– Я поднялась до менеджера авиалиний меньше чем за два года, но всякий раз, как я встречаюсь с отцом, он спрашивает, нашла я уже себе мужика или нет... Сейчас узнаю, не закрыли они еще дверь в салон.

Я выдохнула с облегчением, когда служащая отошла к стойке и позвонила. Вернувшись, она отстегнула нейлоновый барьер.

– Давайте ваш посадочный талон.

– Вы лучшая! Какое же вам спасибо!

Она просканировала и-пасс с моего мобильного и вернула мне телефон, подмигнув:

– Иди докажи папаше, что он не прав.

Я кинулась по телетрапу и с разбегу влетела на борт. Место у меня было 3Б, и багажная полка оказалась забита до отказа. Подошла стюардесса с недовольным видом.

– Не знаете, куда можно положить чемодан?

– Все уже занято, придется отвезти его в багажный отсек.

Я огляделась. Все сидели пристегнутые и смотрели на меня так, будто я задерживала самолет (впрочем, так оно и было). Вздохнув, я через силу улыбнулась.

– Спасибо, очень любезно с вашей стороны.

Стюардесса покатила мой чемодан по проходу, а я уставилась на пустое кресло: я могла поклясться, что брала место у окна. Перепроверив свой посадочный талон и номера сидений на багажной полке, я наклонилась и сказала своему соседу-пассажиру:

– Простите, вы, кажется, заняли мое место.

Мужчина читал «Уолл-стрит джорнал», но опустил газету и выпятил губы, будто у него было право капризничать, притом что он присвоил мое законное место. Только через несколько мгновений я оторвала взгляд от его выпяченных губ и оглядела остальное лицо. У меня невольно отвисла челюсть, а пухлые губы вора самолетных кресел изогнулись в самодовольной улыбке.

Я заморгала в надежде, что мне мерещится от усталости.

Нет, не мираж.

В воздухе не растаял.

Бр-р-р!

Я помотала головой.

– Что за бред?

– Какая приятная встреча, Фифи!

Ну уж нет. Вот нет, и все! За последнее время мне и без того дерьма хватило. Я сплю и вижу сон.

Вестон Локвуд!

Столько самолетов, столько пассажиров – как, черт побери, меня угораздило попасть в соседи к этому типу? Очередная насмешка судьбы?

Я огляделась, ища, куда пересесть. Разумеется, все места были заняты. Стюардесса, недовольная тем, что пришлось катать мой чемодан, подошла снова, уже не на шутку раздраженная.

– У вас какая-то проблема? Мы ждем, когда вы сядете и пристегнетесь, чтобы можно было отъехать от терминала.

– Да, у меня проблема – я не могу здесь сидеть. У вас есть другое место? Где угодно?

Стюардесса уперлась руками в бока.

– Это единственное свободное кресло в самолете. Вы должны немедленно сесть, мисс.

– Но...

– Если вы не сядете, мне придется вызвать охрану.

Я взглянула на Вестона. Наглец ухмылялся.

– Вставай! – рявкнула я. – Я буду сидеть у окна, я за это место платила!

Вестон перевел взгляд на стюардессу и сверкнул мегаваттной улыбкой.

– Она в меня влюблена с пятого класса. Это ее способ проявлять свою привязанность. – Подмигнув, он поднялся и королевским жестом указал на кресло: – Уступаю тебе мое место.

Я так прищурилась, что глаза превратились в щелочки.

– Отойди и дай пройти.

Постаравшись не коснуться Вестона, я, шумно отдуваясь, уселась у окна, затолкала сумку под переднее кресло и пристегнулась.

Стюардесса немедленно начала предполетный инструктаж, и терминал за окном медленно поехал назад.

Мой обнаглевший сосед нагнулся ко мне:

– Хорошо выглядишь, Фиф. Сколько лет-то прошло?

Я вздохнула.

– Слишком мало, раз ты снова сидишь рядом со мной.

Вестон ухмыльнулся.

– По-прежнему притворяешься, что я тебе не нравлюсь?

Я вытаращила глаза:

– А у тебя остались какие-то иллюзии?

К сожалению, когда глаза вернулись в свои орбиты, я хорошо рассмотрела негодяя, которого презираю всю жизнь. Надо же, как этот урод похорошел! Вестон Локвуд был смазливый подростком, но мужчина, сидевший рядом со мной, выглядел просто красавцем. Мужественный квадратный подбородок, римский нос, большие наглые глаза цвета аляскинских ледников, контрастировавшие с темным загаром (морщинки в уголках глаз отчего-то показались мне чертовски сексуальными). Полные губы окружала суточная щетина, и темным волосам не помешали бы ножницы парикмахера, но вместо того, чтобы производить впечатление неопрятности, стиль Вестона Локвуда откровенно посылал подальше корпоративный мир аккуратных прилизанных стрижек. В принципе, он не мой тип, однако разглядывание этого поганца заставило меня задаться вопросом, чем так хорош «мой» тип.

Жаль, что он законченный негодяй – и Локвуд. Впрочем, это тавтология, ибо быть Локвудом автоматически означает быть негодяем.

Я устала на спинку переднего кресла, чувствуя на себе взгляд Вестона. Когда у меня кончилось терпение, я фыркнула и развернулась к нему:

– Ты так и будешь сверлить меня глазами до Нью-Йорка?

У него дернулся уголок губ.

– А что, есть на что посмотреть.

– Ну и флаг в руки, а у меня работа!

Дотянувшись до сумки под сиденьем, я подняла ее и поставила себе на колени, намереваясь до Нью-Йорка назубок выучить историю отеля «Герцогиня», но спохватилась, что ноутбук в сумке нет. Я его убрала в передний карман чемодана, рассчитывая запихнуть вещи на багажную полку. Отлично. Теперь ноутбук попал в багажное отделение, то есть шансы, что он долетит до Нью-Йорка в целости и сохранности, сводятся к нулю. И вообще неизвестно, найду я его по прилете или нет... И чем прикажете заняться в полете? С утра совещание с юристами «Герцогини», а я абсолютно не готова! Черт, теперь еще не спать полночи, чтобы ознакомиться с материалами, когда я наконец окажусь в гостинице...

Прелестно.

Лучше не бывает, мать вашу.

Чем, как обычно, сходить с ума, я решила предаться долгожданному отдыху, раз ночной сон мне не светит. Закрыв глаза, я попыталась расслабиться, когда самолет пошел на взлет, но мысли о сидящем рядом мужчине не давали покоя.

Господи, как я его презираю!

Вся моя семья ненавидит Локвудов.

С самого детства, сколько я себя помню, мы были как Хэтфилды и Маккои¹ – кровная вражда между нами тянулась со времен наших дедов, притом что вращались мы в основном в одних социальных кругах. Вестон и я ходили в одну частную школу, часто видели друг друга на благотворительных вечерах и всяких тусовках и даже имели общих друзей. Особняки наших родителей в Верхнем Вест-Сайде располагались почти по соседству, но мы, в поддержание традиции, держались друг от друга подальше.

Кроме одного раза.

Одной огромной, ужасной ошибки в виде, гм, ночи.

Потом я сделала вид, что ничего не было.

И мне почти удалось убедить себя в этом.

Вот только изредка, когда свистел какой-нибудь озверевший рак на горе, та ночь всплывала в памяти. Это бывало нечасто, но уж когда всплывала...

Впрочем, ладно. Я медленно задышала, очищая мысли и прогоняя воспоминания.

Сейчас об этом следовало думать меньше всего.

Но как, черт побери, он вообще оказался в этом самолете?

Насколько я знала, Вестон жил в Вегасе и управлял сетью локвудовских отелей на юго-западе страны (только не подумайте, что я навела о нем справки!), поэтому вероятность терпеть его присутствие до самого Нью-Йорка стремилась к нулю. Я не была на Восточном побережье уже шесть лет, однако нате вам – сидим рядышком и летим одним рейсом...

Черт побери!

Мои глаза широко распахнулись.

Только не это. Хоть бы я ошиблась!

Я повернулась к Вестону:

– Стоп, а зачем это ты намылился в Нью-Йорк?

¹ Герои одноименного американского мини-сериала (здесь и далее примечания переводчика).

– Угадай, – ухмыльнулся он.

Боясь поверить своей догадке, я ухватила за последнюю надежду:

– Семейку проведать?

Он покачал головой, сохраняя высокомерную улыбочку.

– Город посмотреть?

– Не-а.

Закрыв глаза, я привалилась к спинке кресла.

– Твоя семейка назначила тебя временным управляющим в «Герцогиню».

Вестон дождался, пока я открою глаза, и нанес решающий удар:

– Сдается мне, наше тесное общение продлится дольше, чем эти несколько часов.

Глава 2

София

– Не сюда, Фифи.

Я вышла из лифта на четвертом этаже – и едва не наткнулась на ходячее совершенство.

– Локвуд, иди к черту!

Он вошел в лифт, откуда я только что вышла, и придержал двери.

– Ну, пробегись, если хочется. В четыреста двадцатой никого нет.

Я обернулась.

– Почему?

– Совещание перенесли в офис адвокатши «Герцогини», в Утюге².

Я фыркнула.

– Не морочь мне голову! Мне никто об этом не сказал. Почему совещание перенесли туда?

– Понятия не имею. Доберемся – узнаем. – Вестон отпустил кнопку и отступил в кабинку. – Я поехал. Начало в девять, а трафик сейчас просто адский.

Я оглянулась на комнату для совещаний. Оживления у двери решительно не наблюдалось. Вздыхнув, я зашла обратно в лифт. Вестон стоял у дальней стенки, но едва дверцы закрылись, сделал шаг вперед.

– Ты чего?

– Ничего.

– Ну и отступи обратно, не стой так близко.

Вестон фыркнул и не двинулся с места. Меня бесило, что я невольно отметила, как хорошо он пахнет – дразнящим ароматом дуба, чистотой, кожей дорогого ремня. Чертовы дверцы не открывались целую вечность. Едва они разъехались, я стрелой вылетела из лифта и пустилась через вестибюль к выходу, не оглядываясь.

Через сорок минут, попытавшись доехать на такси, но не продвинувшись больше чем на полквартила за десять минут, поэтому добравшись на метро с двумя пересадками (в жуткой духоте и одуряющем аромате свежей мочи), я вбежала в лобби Утюга.

– Не подскажете, на каком этаже «Бартон и Филдс»? – спросила я на ресепшене.

– На пятом. – Клерк показал на длинную очередь: – Сегодня у нас работает только один лифт.

Я уже опаздывала и не могла ждать, поэтому только и спросила:

– Лестница где?

Преодолев на каблуках высотой четыре дюйма пять очень длинных пролетов, я подошла к двойным стеклянным дверям юридической фирмы, обслуживающей отель «Герцогиня». Секретарша кому-то помогала, передо мной ожидали очереди два человека, поэтому я успела проверить мобильный. Я очень надеялась, что начало совещания отложили, раз встречу перенесли, не уведомив меня. С другой стороны, как бы они мне сообщили? Да и Вестон, наверное, только что сюда добрался. Когда наконец подошла моя очередь, я сказала секретарше:

– Здравствуйте, я София Стерлинг, у меня совещание с Элизабет Бартон.

Секретарша покачала головой.

– Миз Бартон сейчас в другом районе города. На какое время у вас встреча?

² Небоскреб на Манхэттене, получивший прозвище из-за своеобразной формы.

– Наше совещание действительно было назначено в отеле «Герцогиня», но его перенесли сюда.

Брови секретарши сошлись на переносице.

– Я видела, как миз Бартон уходила, как раз когда я утром пришла на работу, но позвольте мне уточнить. Может, она вернулась, пока я уходила пить кофе... – Она нажала несколько кнопок на клавиатуре и послушала через гарнитуру, прежде чем сняла ее и сказала: – Не отвечает. Одну минуточку, я посмотрю в кабинете и в переговорной...

Через несколько минут секретарша вернулась из недр коридора вместе с женщиной в деловом костюме.

– Здравствуйте, я Серена, помощница миз Бартон. Ваша встреча сегодня в отеле «Герцогиня», комната четыреста двадцать.

– Нет-нет, я только что оттуда. Совещание перенесли сюда.

Серена покачала головой.

– Простите, но вам кто-то дал неверную информацию. Я только что звонила Элизабет на мобильный, совещание началось почти час назад.

Волна жара поднялась во мне от пальцев ног до корней волос. Черт, я убью этого сукина сына!

* * *

– Простите, задержалась, – объявила я, входя.

Женщина, сидевшая во главе длинного стола – должно быть, Элизабет Бартон, главный юрисконсульт отеля, – взглянула на наручные часы. Ее лицо было суровым.

– Может быть, кто-нибудь из тех, кто пришел вовремя, любезно введет вас в курс дела по всему, что вы пропустили. – Она встала. – Давайте прервемся на десять минут, а когда мы вновь вернемся к обсуждению, я отвечу на все вопросы.

– Я буду счастлив восполнить пробелы мисс Стерлинг, – Вестон просиял.

Поблагодарив его, Элизабет Бартон с двумя мужчинами, которых я никогда не видела, встала и вышла, оставив меня с Вестоном. Мне понадобилась вся сила воли, чтобы не психануть – по крайней мере, пока юристы не скрылись за дверью. Вестон поднялся с таким видом, будто он тоже не прочь сбегать на перерыв.

Ну нет, черта с два он так легко отделается!

Я встала в дверях, преградив ему путь.

– Ты скотина!

Он с самодовольной ухмылкой застегнул пиджак.

– А еще в Уортоне училась! В любви и на войне все средства хороши, Фифи.

– Прекрати меня так называть!

Вестон снял воображаемую ниточку с рукава своего ультрадорогого пиджака.

– Хочешь, чтобы я восполнил пробелы в твоих сведениях?

– Конечно, хочу, идиот! Это по твоей вине меня здесь не было!

– Без проблем. – Он сложил руки на груди и принялся разглядывать свои ногти. – За ужином.

– Я не пойду с тобой ужинать.

– Значит, нет?

– Нет!

– Как угодно, – он пожал плечами. – Я лишь пытаюсь быть джентльменом. Если ты предпочитаешь сразу в номер, я согласен.

Я недоверчиво гоготнула:

– Ты не обалдел?

Он наклонился ко мне. Так как я стояла у двери, отступить мне было некуда, но и вздрагивать, к его радости, я не собиралась. Поэтому я не дрогнув стояла перед идиотом, *который по-прежнему замечательно пах*, а он сказал мне на ухо:

– Ты же помнишь, как хорошо нам было вместе. Лучший секс из ненависти, какой у меня был.

Я процедила сквозь зубы:

– А иной секс тебе никогда и не доставался. Нормальным женщинам ты понравиться не можешь.

Он выпрямился и подмигнул.

– Зафиксируй эту злость. Скоро мы ее пустим в дело.

* * *

К восьми вечера мне смертельно хотелось выпить – день выдался бесконечный.

– Я могу заказать еду здесь или нужно сесть за столик? – спросила я бармена в ресторане отеля.

– Нет, можете и в баре заказать. Сейчас я принесу вам меню.

Бармен исчез, а я забралась на высокий стул, вытащила из своего баула блокнот и принялась записывать все, что говорил мой отец последние двадцать минут. Причем «говорил» – это слабо сказано: он буквально орал, когда я ответила на его звонок. Даже не поздоровался, сразу начал метать громы и молнии, выкрикивая вопрос за вопросом – сделала ли я то, сделала ли я это, причем не давал мне вставить слово.

Отец был уязвлен до глубины души, когда дедушка назначил меня управляющей «Герцогиней». Папаша предпочел бы видеть на этой должности моего сводного брата Спенсера. Не потому, что он компетентнее (за пожертвования Лиге Плюща они любого примут), просто Спенсер – папина марионетка.

Поэтому, когда на экране высветилось имя Скарлетт, я с облегчением отложила ручку, воспользовавшись возможностью перевести дух.

– У тебя сейчас час ночи? – уточнила я.

– Да, и я выжата как лимон.

Я улыбнулась. Моя подруга Скарлетт – британка до мозга костей, и я обожаю ее выражения вроде «выжата как лимон», «панталончики» и «рукоять».

– Ты не представляешь, как мне хотелось услышать твой ужасный акцент!

– Акцент?! Я говорю на литературном английском языке, дорогая, а ты изъясняешься на наречии Квинса, этого кошмарного *боро* между Манхэттенем и Лайт-Айлендом.

– Лонг-Айлендом.

– Как угодно.

Я засмеялась.

– У тебя все нормально?

– О, взяли новую сотрудницу. Я надеялась, что она станет возможной заменой тебе как моей единственной подруге. Но в выходные мы пошли в кино, и она явилась в легинсах, через которые проступали очертания ее трусов...

Я с улыбкой покачала головой:

– Вот ужас ужасный. – Скарлетт работала в модной индустрии, и по сравнению с ней Анну Винтур можно было счесть толерантной к модным огрехам особой. – Значит, незаменимые все-таки есть?

– Выходит, что есть. Неужели Нью-Йорк тебе уже наскучил и ты решила вернуться в родной Лондон?

Я усмехнулась.

– Нью-Йорк уже двадцать шесть часов испытывает мое терпение.

– Как новая работа?

– Ну, в первый же день я опоздала на совещание с юристом отеля, потому что представитель семьи, владеющей второй половиной гостиницы, отправил меня к черту на рога.

– А это не та самая семья, основатель которой полвека назад чпокал владелицу этого отеля, которая одновременно оказывала знаки внимания моему деду?

– Да. – Я рассмеялась, хотя там ситуация была несколько сложнее. Полвека назад мой дед Август Стерлинг вместе с верными друзьями Оливером Локвудом и Грейс Коупленд открыл гостиницу. Как гласит семейная легенда, дед влюбился в Грейс и они объявили о помолвке в канун Нового года, но в день венчания Грейс у алтаря объявила моему деду, что не выйдет за него, потому что любит еще и Оливера Локвуда. Не в силах отдать предпочтение одному из них, она не решилась связать себя узами брака, потому что замужество требует посвятить сердце одному мужчине, а ее сердце, дескать, не обладает такой опцией.

Дед с Локвудом боролись за Грейс не один год, но ни одному не удалось похитить половину ее сердца у соперника, и в конце концов каждый пошел своей дорогой. Мой дед и Оливер Локвуд превратились в непримиримых соперников и посвятили жизнь созданию собственных гостиничных империй, вылезая из кожи вон, чтобы превзойти друг друга, а Грейс сосредоточилась на одном отеле класса люкс. Все трое добились завидных успехов: Стерлинги и Локвуды являются владельцами двух крупнейших сетей гостиниц в Соединенных Штатах, а «Герцогиня» со своими великолепными видами на Центральный парк за полвека превратилась в один из самых престижных эксклюзивных отелей в мире, ни в чем не уступая «Временам года» и «Плазе».

Три недели назад, когда после долгой борьбы с раком Грейс Коупленд скончалась, моя семья с легким шоком узнала, что она завещала по сорок девять процентов отеля моему деду и Оливеру Локвуду. Оставшиеся два процента она отписала благотворительному фонду, который незамедлительно выставил акции на аукцион. Заветные проценты достанутся той семье, которая предложит больше, и превратят Спенсеров или Локвудов во владельцев контрольного пакета в пятьдесят один процент.

Грейс Коупленд так и не вышла замуж, и ее последняя воля напоминала эффектную развязку древнегреческой трагедии, хотя непосвященные сочли бы безумием оставлять отель стоимостью сотни миллионов долларов двум старикам, которые пятьдесят лет не разговаривают друг с другом.

– Твоя семейка сумасшедшая, – сообщила мне Скарлетт. – Ты согласна?

– Целиком и полностью, – подтвердила я.

Мы поговорили немного о ее последнем кавалере и планах на отпуск, и Скарлетт со вздохом призналась:

– Кстати, я звоню сказать тебе одну новость. Ты сейчас где?

– В гостинице. В отеле «Герцогиня», половиной которого теперь владеет моя семья.

– У тебя в номере есть алкоголь?

Я нахмурилась.

– Конечно, но я не в номере, а в баре. А что?

– Тебе понадобится клюкнуть после того, что ты услышишь.

– Насчет чего?

– Насчет Лиэма.

Лиэм – это мой бывший. Начинающий драматург из Западного Лондона. Мы расстались месяц назад, и, хотя что ни делается, все к лучшему, звук его имени отдался у меня в груди болезненным эхом.

– А что с ним?

– Я его сегодня видела...

- Ну?
- Взапас целовавшимся с Мариэль.
- С какой еще Мариэль?
- По-моему, мы с тобой знаем только одну Мариэль.

Да ладно!..

- С моей кузиной Мариэль?!
- Представляешь, какая дрянь?

Я почувствовала во рту желчную горечь. Как она могла? Мы же так хорошо общались, пока я жила в Лондоне!

– Это еще не все.

– Ну-ну?

– Я спросила общую знакомую, сколько они уже это самое, так она ответила – с полгода.

Меня замутило. Три или четыре месяца назад, когда у нас с Лиэмом все только начало разлаживаться, у него в машине на заднем сиденье я нашла красный тренкот «Бёрберри». Он сказал, что это оставила его сестра. Тогда мне и в голову не пришло, что у Мариэль тоже имеется красный тренкот...

Наверное, я очень долго молчала, потому что Скарлетт осторожно спросила:

– Ты меня слушаешь?

Я шумно выдохнула.

– Да.

– Мне очень жаль, Софи. Но я рассудила – лучше тебе знать, чтобы ты не расстилалась перед этой шлюхой.

А ведь я хотела отсюда позвонить Мариэль. Хорошо, времени не было.

– Спасибо, что ты мне сказала.

– Я всегда на твоей стороне.

Я грустно улыбнулась.

– Знаю. Спасибо, Скарлетт.

– Но хорошая новость у меня тоже есть.

Мне уже не верилось, что меня что-то способно развеселить.

– Какая?

– Я уволила одну из моих старших редакторов – выяснилось, что она затирала некоторых дизайнеров из-за их этнической принадлежности...

– И это твоя хорошая новость?

– Не совсем. Хорошая новость в том, что на ней была масса поручений и мне пришлось взвалить их на себя...

– По-моему, ты слабо знакома с понятием хорошей новости, Скарлетт.

– Я же не успела сказать, что одно из этих дел – репортаж о модном показе в Нью-Йорке через две недели!

Я восторгалась:

– То есть ты прилетишь в Нью-Йорк?

– Вот именно! Так что забронируй мне номер в твоём непомерно дорогом отеле, которым мы обязаны члену твоего дедули. Даты я тебе позже сброшу.

Мы попрощались. Бармен подал мне меню.

– Мне пока водки с клюквенным соком, пожалуйста.

– Сию минуту.

Когда он вернулся, чтобы принять заказ, я машинально назвала салат, но не успел бармен отойти, как я его остановила:

– Постойте, можно поменять?

– Разумеется. Что прикажете?

К черту калории!

– Принесите мне чизбургер – с беконом, если есть. И салат коулслоу. И еще жареную картошку.

Он улыбнулся.

– Тяжелый день?

Я кивнула.

– Водку оставляем.

Водка с клюквой пошла на удивление гладко. Я сидела у бара, перечитывая гневные советы, которыми меня окатил папаша, думала, как двоюродная сестрица Мариэль путалась с Лиэмом за моей спиной, и медленно закипала от злости. Непроизвольной реакцией на сообщение Скарлетт стала обида, но где-то между первой и второй стопками водки обида переплавилась в бешенство.

Папаша может идти к чертям – я работаю на деда точно так же, как и он.

У Мариэль дешевые наращенные волосы и писклявый гнусавый голос.

В задницу Мариэль.

Лиэм? А пошел он дальше всех. Я полтора года жизни потратила на этого Артура Миллера в кардигане, и знаете что? Пьесы Лиэма миллеровским и в подметки не годятся. Слишком пафосные, совсем как их автор.

Я залпом махнула полстопки водки. Ну что ж, события, похоже, достигли дна. Теперь жизнь обязана начать налаживаться.

Однако не прошло и нескольких секунд, как снизу постучали: на соседний барный стул свой зад пристроил Вестон Локвуд.

– Привет, Фифи!

* * *

– Гляжу, последние двенадцать лет тебя сильно помотали.

Вестон заказал лимонную воду с газом и беззастенчиво пялился на меня, хотя я упорно глядела перед собой, подчеркнуто игнорируя его присутствие.

– Иди на фиг, Локвуд.

– А я жил в свое удовольствие – спасибо, что поинтересовалась. После школы – Гарвард, хотя ты наверняка в курсе. Магистратуру по деловому администрированию окончил в Колумбийском универе и начал работать в семейном бизнесе. Сейчас я уже вице-президент.

– Ой-ей-ей, мне восхищаться, что ты по благу получил солидную должность?

Он улыбнулся.

– Зачем, ты можешь восхищаться многим другим. Ты же помнишь, как я выглядел обнаженным, а, Фиф? Я очень похорошел с восемнадцати лет. Как будешь готова, пойдем ко мне в номер, дам посмотреть.

Я повернулась к нему и смерила нехорошим взглядом.

– По-моему, ты забыл нечто важное, что тоже имело место за двенадцать лет. У тебя явно была серьезная травма башки, раз ты живешь в мире фантазий и не в состоянии считывать эмоции окружающих.

Улыбаться этот гад не перестал.

– Если леди горячится, значит, она старается скрыть свои истинные чувства.

Я даже застонала от бессилия и бешенства.

Подоспел бармен с моим заказом.

– Что-нибудь еще прикажете?

– Большой баллон репеллента от тараканов!

Бармен огляделся:

– Как тараканы? Где?!

Я махнула рукой.

– Простите. Нигде. Нет тараканов. Это я попыталась сосстричь.

Вестон сочувственно поглядел на бармена.

– Мы только учимся остричь. Ей еще многое предстоит освоить.

Бармен юмора не понял, но счел за лучшее уйти. Пока я брала себе кетчуп, Вестон украл у меня ломтик жареной картошки с тарелки.

– Не трогай мою еду! – осадила я его взглядом.

– Тут еды на пятерых. Ты реально все это съесть собралась?

– Ты на что намекаешь?

– Ни на что, просто куда столько мяса такой мелкой фигурке... Хотя ты любишь побольше мяска, – ухмыльнулся он. – Двенадцать лет назад точно любила.

Я вытаращила глаза и, взяв с тарелки чизбургер, запустила в него зубы, вдруг почувствовав волчий голод. Поганец рядом со мной явно нашел зрелище завораживающим.

Я прикрыла губы салфеткой и сказала с полным чизбургера ртом:

– Перестань пялиться, как я ем.

Он, что неудивительно, и не подумал перестать. За полчаса я смела все, что было на тарелке, и с жадностью выпила еще водки. Вестон все порывался завести светский разговор, но я его обрывала. Мой мочевого пузырь начал подавать сигналы бедствия. Не желая балансировать над унитазом с гигантской сумкой, ноутбуком и планингом, я нехотя попросила поганца присмотреть за вещами.

– Охотно буду охранять твоё барахлишко.

Я снова выразительно на него поглядела, встала и покачнулась. Похоже, я опьянела сильнее, чем мне казалось.

– Эй, ты поосторожнее. – Вестон подхватил меня под локоть и удержал. Его рука была теплой, сильной и... Боже, я точно перепила, раз в голову лезут такие мысли.

Я вырвала локоть из его хватки.

– Подумаешь, каблук подвернулся! Я в порядке. Пригляди за вещами.

В туалете я облегчилась и вымыла руки. Взглянув в зеркало, заметила, что под глазом размазалась тушь. Стерла лишнее и поправила волосы – по привычке, я вовсе не собиралась прихорашиваться ради Вестона Локвуда.

Когда вернулась к бару, мой заклятый враг чем-то отвлекся, для разнообразия оставив меня в покое. Я присела, обратив внимание, что передо мной стоит новая порция спиртного.

– Шугаринг, значит? – протянул Вестон, не глядя на меня. – А чем он отличается от обычной депиляции?

Я сморщилась.

– Чего?

Он потыкал пальцем в какую-то книжку, раскрытую перед ним на стойке.

– А сахар съедобный? Ну, когда тебя отполируют в лучшем виде, можно и слизать? Или он с химикалиями?

Я подалась к нему, разглядывая, что он там читает. Глаза сами собой полезли из орбит.

– Сейчас же отдал сюда! Ну ты и скотина!

Этот поганец взял мой ежедневник и не стесняясь его листал. Я схватила ежедневник, и Вестон выставил вперед руки.

– Неудивительно, что ты психованная, – у тебя месячные через несколько дней. Ты май-дол пробовала? Реклама все уши прожужжала...

Я затолкала планинг в сумку и замахала бармену, гаркнув не своим голосом:

– Можно счет?

Бармен подошел.

– Записать на ваш номер?

Забросив ремень баула на плечо, я встала.

– Нет. Лучше запишите-ка на счет номера этого засранца, – я показала большим пальцем на Вестона. – И прибавьте от меня сотню чаевых.

Бармен взглянул на Вестона и пожал плечами.

– Без проблем.

Фыркнув, я пошла к лифтам, не дожидаясь мистера Совершенство и не заботясь, нравится ему платить по счету или нет. Я нетерпеливо тыкала пальцем в кнопку вызова. Алкоголь немного уменьшил мой гнев, но теперь ярость стремительно возвращалась, намереваясь взять реванш. Меня так и тянуло запустить чем-нибудь тяжелым.

Сперва в Лиэма.

Затем в папашу.

И в этого гада Вестона – два раза!

К счастью, дверцы лифта разъехались прежде, чем я выместила бешенство на каком-нибудь безвинном постояльце отеля. Я стукнула по кнопке восьмого этажа, гадая, есть ли в мини-баре вино.

– Да что за фигня? – Я вдавила кнопку еще раз. Кнопка светилась, но кабина стояла на месте. Я нажала в третий раз, и дверцы наконец двинулись навстречу друг другу, но встретиться им помешал ботинок.

Мужская туфля с перфорированным мыском.

Дверцы снова разъехались, открыв сияющую физиономию Вестона.

Кровь во мне закипела.

– Ей-богу, Локвуд, если ты сюда зайдешь, я за себя не отвечаю. Шутки кончились.

Он все-таки вошел в лифт.

– Да ладно тебе, Фифи! Что случилось? Я же просто дурачусь. Юмора не понимаешь?

Про себя я сосчитала до десяти – не помогло. Да пошло оно все в задницу! Он хочет спровоцировать меня на истерику? Ну, он ее сейчас получит. Дверцы наконец закрылись, я повернулась и пошла на Вестона, загнав его в угол. При виде моего лица он все-таки проявил благоразумие и слегка занервничал.

– Ах, ты хочешь знать, что случилось? Я тебе скажу, что случилось. Отец думает, что я ни на что не годна, потому что у меня нет причиндалов, болтающихся между ног. Мужчина, на которого я потратила полтора года жизни, изменял мне с одной из моих кузин – прямо семейная традиция какая-то! Я ненавижу Нью-Йорк. Я презираю семейство Локвудов. А ты решил, раз у тебя большой член, тебе все позволено?! – Я отчеканила, тыча пальцем ему в грудь при каждом слове: – Я! Устала! От! Мужчин! От отца! От Лиэма! От тебя! От всех дебилоидов до единого! Оставь меня в покое, сукин ты сын!

Выдохшись, я отвернулась, ожидая, что двери вот-вот откроются, но, взглянув на кнопочную панель, поняла, что мы еще не начинали движения. Прекрасно, мать вашу, просто лучше некуда! Я остервенело застучала по нужной кнопке, потом закрыла глаза и принялась глубоко дышать, чтобы успокоиться. На третьем вздохе я почувствовала сзади тепло тела Вестона – он подошел почти вплотную – и продолжила пытаться его игнорировать.

Но поганец источал будоражающие флюиды.

Как ему это удастся? Какой одеколон держится сколько, уже двенадцать часов? После того как он заставил меня побегать сегодня утром, от меня, наверное, разило как от бомжа... Меня положительно бесило, что от этого паразита Локвуда веяло так головокружительно и сексуально.

Он придвинулся еще ближе, и его дыхание защекотало мне шею.

– Значит, – хрипло прошептал он, – ты находишь, что у меня большой член?

Я повернулась и уставилась на него в упор. Сегодня утром он был чисто выбрит, но сейчас тень свежей щетины подчеркивала его волевой подбородок, придавая негодяю вид киношного злодея. Костюм, подчеркивавший широкие плечи, стоил, наверное, больше, чем весь гардероб Лиэма, состоявший в основном из свитеров. Вестон Локвуд был воплощением всего, что я ненавидела в мужчинах, – богатый, красивый, дерзкий, самоуверенный и бесстрашный. Лиэм бы его возненавидел. Мой отец его уже ненавидел. Пока это шло Вестону в плюс.

Пока я пыталась справиться с реакцией моего тела на его запах и на то, как мне нравится щетина на его подбородке, Вестон медленно положил руку мне на бедро. Сперва мне показалось, что он меня поддерживает, как когда я оступилась в баре. Неужели меня шатает? Надо же, а я и не заметила.

Однако, когда рука передвинулась мне на задницу, непониманию места не осталось. Локвуд не пытался помочь мне устоять на ногах. Первой реакцией было заорать на него, но отчего-то у меня перехватило горло.

Я неосторожно оторвала взгляд от его подбородка и заглянула в голубые глаза. В них вспыхивал и трепетал жар, превращая их в почти серые, а взгляд не отрывался от моих губ.

Нет.

Ни за что.

Этого не произойдет.

Второго раза не будет.

Сердце оглушительно стучало в груди, а кровь в ушах шумела так громко, что я будто издалека слышала звонок лифта, прибывшего на мой этаж. К счастью, это заставило меня опомниться.

– Я... мне надо идти.

Мне понадобились все силы, чтобы ставить одну ногу перед другой, но я прошла по коридору до моего номера.

Но...

Я была не одна.

Вестон снова оказался сзади – близко, слишком близко. Я копалась в сумке в поисках ключа от номера, когда вокруг моей талии скользнула рука и потерлась о пояс юбки. Я понимала, что нужно задавить эту фигню в зародыше, но тело будто обезумело от прикосновения. Дыхание стало частым и сбивчивым.

Рука Вестона поднялась по животу до края бюстгальтера. Я сглотнула, зная, что нужно что-то сказать, пока не стало слишком поздно.

– Я тебя презираю, – прошипела я.

В ответ Вестон накрыл ладонью мою левую грудь и сжал.

– Я презираю тебя и ту штучку, которая сейчас изображает жалкую, вполсилы, эрекцию, упирающуюся мне в зад.

Вестон наклонился ко мне и добрался и до другой груди.

– Наши чувства взаимны, Фифи. Но ты хорошо помнишь – та штучка, которую я зову членом, намного больше, чем пипетка твоего драматурга. Того самого мелкого драматурга, чей мелкий член сейчас, наверное, находится в твоей кухне.

Я стиснула зубы. Чертов Лиэм!

– Зато у него нет неприличных болезней, а ты небось чего только не подцепил, пока окучивал Лас-Вегас!

В ответ Вестон с силой прижал бедра к моей заднице. Его горячая эрекция казалась стальным стержнем, готовым проткнуть ему брюки.

Но – о боже! – как это было приятно!

Такой твердый.

Такой теплый...

Мы словно вернулись на двенадцать лет назад. Вестон был снаряжен природой как конь и даже в восемнадцать лет прекрасно знал, что с этим делать.

– Идем в номер, – прорычал он. – Я хочу отыметь тебя жестко, чтобы тебе было больно сидеть на завтрашних совещаниях.

Я закрыла глаза. Во мне шла борьба. Я знала, что связываться с Вестоном – колоссальная ошибка, на которую наложится вражда между нашими семьями. Но черт побери, тело словно охвачено огнем.

Нам же необязательно дружить.

И даже нравиться друг другу.

Я могу использовать его разок, получить хорошую разрядку и снова держать его на расстоянии.

Но я не должна этого делать.

Это плохая идея.

Вестон ущипнул меня за сосок, и сквозь меня будто проскочила искра.

Да пошло оно все не скажу куда!

И Лиэм!

И папаша мой!

И Вестон! Причем буквально.

– Базовые правила, – хрипло выдохнула я. – Никаких поцелуев. И берешь только сзади. Ты не кончаешь, пока не кончу я, иначе, с божьей помощью, я оторву у тебя то, что торчит между ног. И ты наденешь чертов презерватив, потому что я не хочу подцепить то, от чего тебя сейчас лечат антибиотиками!

Вестон укусил меня за ухо.

– Уй-я!

– Тихо. У меня тоже правила.

– Правила? У тебя? Не смей мои тапочки!

– Не жди, что я потом останусь: ты кончаешь, я кончаю, я уйду. В таком порядке. Ты молчишь, можешь разве что сказать, как тебе хорошо на моем члене. Эти туфли с острыми, как не знаю что, каблуками останутся на тебе. Да, и если ты кончишь больше одного раза, завтра зачесешь волосы повыше.

Я была настолько возбуждена, что даже не задумалась, на что соглашаюсь. Я просто хотела этого... Я хотела его. И немедленно.

– Прекрасно, – отрезала я. – А теперь идем покончим с этим.

Вестон взял у меня карту-ключ, открыл номер, завел меня туда – не очень нежно – и прижал к стене. Ну вот, не успели мы войти, а моя щека уже приплюснута к обоям.

– Вынимай мой член, – прорычал он.

Меня всегда возмущало, когда мной командуют, тем более этот наглец.

– Я тебе что, Гудини? Мне обернуться нужно.

Твердая, будто железная, грудь Вестона придавила меня со спины. Он отступил на полшага. Я развернулась, взялась за его толстый напряженный член и стиснула через брюки. Сильно.

Вестон зашипел.

– Сам вынимай свой член, – процедила я.

На его губах появилась коварная улыбка. Вестон расстегнул пояс, дернул вниз молнию, схватил меня за руку и сунул под свои трусы.

О боже.

Горячая гладкая кожа, твердость – и толщина!.. Я еще никогда не была так возбуждена, но я не собиралась признаваться в этом какому-то Локвуду. Обуздав расходившиеся эмоции, я, в упор глядя Вестону в глаза, резко дернула рукой вверх и вниз.

Глаза Вестона загорелись. Проведя языком по нижней губе, он проговорил напряженным голосом:

– Ну что ж, назовем это один – один за то, что ты навязала мне счет за твой ужин и выпивку.

Я нахмурилась, не совсем понимая, о чем он говорит, но Вестон двумя руками схватился за мою шелковую блузку и дернул. Тонкая ткань разорвалась, пуговицы запрыгали по полу.

– Эта блузка стоит четыреста долларов, козел!

– Ну, значит, мне придется купить тебе еще ужинов.

Его большие руки мяли мою грудь. Большими пальцами он сдвинул вниз кружево лифчика, и груди с готовностью вывалились из бюстгальтера.

Вестон сильно ущипнул меня за сосок, ожидая реакции. Меня пронзила острая боль, однако я не дала ему возможности насладиться моей слабостью.

– Это что, типа страшная месть? – съязвила я.

Он зарычал, наклонился и припал к моему соску губами. Схватившись за подол моей юбки, он рывком задрал ее до талии.

– Ты влажная для меня, Фифи?

Если Локвуд действительно ждал ответа, то времени он мне не дал. Не успела я сформулировать очередной саркастический выпад, как его пальцы оттянули резинку моих трусов и проникли под ткань. Он погладил меня вверх-вниз, а затем неожиданно ввел пальцы внутрь.

Я задохнулась, и выражение животного удовлетворения промелькнуло на лице Вестона. Негодяй добился, чего хотел, – заставил меня потерять контроль над собой и отреагировать. Это давало ему некое главенство, и мы оба это понимали.

– Ты совсем мокрая. – Он начал накачивать меня пальцами. – Ты исходишь влагой с самого самолета, правда, маленькая задира?

Тело мое было настолько на грани, что мне показалось – я сейчас кончу прямо на его руке, чего со мной еще не случалось. С Лиэмом точно нет.

Лиэм!

Ублюдок...

К черту его.

Мой гнев рос пропорционально возбуждению. Не в силах сосредоточиться ни на чем другом, кроме ощущений, которые Вестон доставлял мне рукой, я совершенно забыла, что все еще держусь за его член.

Я сжала пальцы.

– Доставай уже чертов презерватив!

Вестон стиснул челюсти. Пошарив в кармане, он умудрился достать кондом из бумажника одной рукой. Ухватившись за край квадрата зубами, он надорвал упаковку.

– Отвернись, чтобы мне не пришлось смотреть на тебя!

Он убрал руку из моих трусов и резко развернул меня лицом к стене.

Я повернула голову и бросила через плечо:

– Не разочаруй.

Он раскатал кондом по всей длине и выплюнул обертку на пол.

– Нагнись, – он нажал мне на спину, согнув пополам. – Держись за стену двумя руками, иначе будешь стучаться о нее головой.

Он вздернул мою юбку сзади и, подхватив меня под живот, заставил приподняться на цыпочки. Потными от ожидания ладонями я уперлась в стену, когда громкий треск отдался эхом от стен гостиничного номера. Звук я услышала прежде, чем ощутила жжение на ягодице.

– Что за...

Не успела я договорить, как Вестон с размаху вошел в меня. Это внезапное грубое вторжение будто вышибло воздух из моих легких. Он погрузился до основания, и мне пришлось

раздвинуть ноги шире, чтобы ослабить некоторый дискомфорт. Я чувствовала, как бедра Вестона, прижатые к моему задку, начали дрожать.

– Какая узкая, – прохрипел он. – Какая охренительно узкая...

Руку он переложил со спины на бедро, впившись пальцами мне в кожу.

– А теперь будь хорошей девочкой и скажи, что тебе хорошо, Фифи.

Я прикусила губу и постаралась выровнять дыхание. Так хорошо мне не было целую вечность – даже после одного этого движения. Но признаваться в этом я не собиралась.

– Еще чего, – пропыхтела я. – К твоему сведению, перепихон включает возвратно-поступательные движения, а не так чтобы просто стоять столбом.

– Ах, ты хочешь поиграть?

Я подалась вперед, соскользнув с него на три четверти, и резко подала назад, полностью нанизавшись на него. Это вызвало приятнейшую боль, от которой ожило все тело.

– Заткнись и пошевеливайся, – сказала я ему.

Вестон зарычал и схватил меня за волосы. Потянув за них твердой рукой, он снова вошел в меня и замер.

– Ого, как ты виляешь задницей! Надо заставить тебя делать всю работу, а я буду стоять и смотреть на шоу.

– Локвуд!!!

– Да, мэм? – усмехнулся он.

Но наконец он заткнулся, черт бы его побрал, и принялся за дело. Это было жестко и быстро, отчаянно и зло, однако поразительно приятно. Не помню, чтобы я когда-нибудь заводилась так быстро – уж точно не за последние полтора года, когда мистер Албертсон «занимался со мной любовью».

Эта мысль – мысль о Лиэме – направила весь мой гнев на мужчину, который как раз долбил меня изнутри. Хотя Вестон и так старался вовсю, я начала двигаться синхронно, удлиняя каждое движение. Когда он дотянулся рукой и принялся растирать мне клитор, я почти обезумела.

Обычно для оргазма мне приходилось постараться, как за рулем гоночной машины на «Инди-500»³: я надеялась получить наслаждение, прежде чем выдохнется мой партнер. Но не сегодня. Сейчас оргазм стал скорее столкновением на первом круге, накрыв меня с невиданной силой. Тело вибрировало, у меня вырвался громкий стон.

– Черт, – Вестон ускорил свои фрикции, – я чувствую, как ты сжимаешь мой член. – Он вошел раз, второй и на третьем разе испустил неистовый рык и погрузился еще глубже. Мое тело охватывало его так туго, что даже через кондом я чувствовала пульсацию внутри, когда он разряжался.

Мы простояли так довольно долго, тяжело дыша и постепенно приходя в себя. Слезы щипали уголки глаз. За последний месяц во мне накопилось столько бессильного гнева и досады, а теперь будто вдруг вылетела пробка, и мне показалось, что сейчас подавленные эмоции вырвутся и затопят все вокруг. М-да, нашли момент... Решив ни под каким видом не выдать Вестону, что грядет наводнение, я справилась с комком в горле и сделала то, что в обществе Локвуда получалось у меня без усилий: повела себя как поганка.

– Мы закончили? Тогда можешь уходить.

– Не уйду, пока ты не скажешь мне, как тебе понравилось на моем...

Я попыталась выпрямиться, но Вестон положил ладони мне на лопатки и придержал.

– Пусти!

– Сперва скажи. Скажи, как тебе понравился мой член.

³ «500 миль Индианаполиса», одна из трех самых престижных автогонок мира.

– Не дожدهшься. А теперь отпусти, а то я сейчас закричу на весь отель, и сюда сбежится охрана.

– Дорогая, ты только что кричала целых десять минут, но всем оказалось наплевать. – Однако Локвуд отодвинулся и помог мне выпрямиться.

Было бы лучше, если бы он оставил меня стоять, ежась от холодного воздуха, быстро заменившего его тепло. Но вместо этого он, убедившись, что я твердо стою на ногах, одернул мне юбку.

– Ты в порядке? Мне нужно избавиться от кондома у тебя в ванной.

Я кивнула, пряча глаза. Мне и без того было скверно от наплыва эмоций. Меньше всего сейчас нужны нежности от Вестона Локвуда.

Он ушел в ванную, а я воспользовалась моментом и привела себя в порядок. Волосы у меня растрепались, груди вывалились из сдвинутого вниз лифчика. Я поправила и то и другое и взяла из мини-бара бутылку воды, ожидая, когда Вестон выйдет из ванной. Ждать пришлось недолго.

Стремясь избежать неловкого прощания, я отошла к окну в противоположной стене, глаза непонятно на что. Я надеялась, что он просто помашет рукой и выскользнет за дверь.

Но Локвуды никогда не делали того, что хотели Стерлинги.

Вестон подошел и встал сзади. Он взял у меня бутылку воды и отпил, после чего накрутил на палец прядь моих волос.

– Мне нравятся твои волосы – длиннее, чем ты носила в школе, и волнистые. Неужели ты их выпрямляла?

Я посмотрела на него как на идиота.

– Да, я их выпрямляла. Спасибо, что напомнил – мне пора стричься. Срежу все это покороче.

– А какого они у тебя цвета? Каштанового?

Морщины у меня на лбу стали резче от замешательства:

– Понятия не имею.

Он ухмыльнулся:

– Знаешь, когда ты злишься, у тебя глаза из зеленых становятся почти серыми.

– В твоём детском саду сегодня цвета объясняли?

Вестон снова поднес воду к губам и высосал до дна. Пустую бутылку он подал мне.

– Готова ко второму раунду?

Я ответила, глядя в окно:

– Второго раунда не будет. Ни сейчас, ни потом. Убирайся, Локвуд.

Хотя я старалась не смотреть на него, в оконном стекле отразилась его лукавая улыбка.

– Хочешь пари? – спросил он.

– Не лсти себе. Мне нужна была разрядка, ты подвернулся под руку. Все прошло более-менее и в привычку не превратится.

– Более-менее? За это определение в следующий раз я заставлю тебя умолять.

Я вытаращила глаза.

– Пошел вон. Это было огромной ошибкой.

– Ошибкой? Ах да, я и забыл, что ты любишь тщедушных ботаников, которые по самые уши в литературе и прочей фигне. Хочешь, я освежу в памяти стишки и продекламирую в следующий раз, когда мы будем трахаться?

– Вон!!!

Вестон слегка покачал головой.

– Окей... Но, как сказал Шекспир, лучше потерять тех, кого отымел, чем вовсе в жизни не потрахаться⁴.

Я едва не улыбнулась.

– По-моему, Шекспир такого не говорил.

Вестон пожал плечами.

– Он все равно был зануда.

– Спокойной ночи, Вестон.

– Какая жалость. Заменять меня твоими пальчиками вполонину хуже второго раунда.

– У тебя мания величия.

– Пока, Фиф. Рад был снова повидаться.

– А я нет.

Вестон пошел к выходу. Скрипнула открываемая дверь, и в оконном стекле мне было видно, как он обернулся и несколько секунд смотрел на меня. Затем он ушел.

Я закрыла глаза и покачала головой.

Когда я открыла глаза, до меня вдруг дошло, что я натворила за последние полчаса.

Боже, что я наделала?!

⁴ Строки «Подчас в скорбях неодолимых, / Что лучше потерять любимых, / Чем вовсе в жизни не любить» принадлежат А. Теннисону.

Глава 3

София

Я эпически облажалась.

Это нужно исправить, и побыстрее.

Пока кто-нибудь не пронюхал.

И пока мое новое назначение не повисло на волоске.

Наутро Вестон явился в комнату для совещаний ровно в восемь сорок пять. Совещание должно было начаться в девять. При виде меня он ухмыльнулся, как Чеширский кот.

– Доброе утро, – начал он. – Прекрасная погода!

Я глубоко вздохнула.

– Сядь.

Он большим пальцем указал на дверь:

– Мне запереть? Или ты хочешь добавить азарта – вдруг нас застанут? Готов спорить, тебе это понравится. Кто-нибудь войдет, когда твоя юбка задрана до...

– Заткнись, мать твою, и сядь, Локвуд! – повысила я голос.

Он ухмыльнулся.

– Слушаюсь, мэм.

Поганец решил, что у нас ролевые игры, но мне было не до шуток – у меня работа на кону. Дождавшись, пока он сядет, я присела напротив за конференц-стол.

Скрестив руки на груди, я внушительно сказала:

– Вчерашнего вечера не было.

Самодовольная улыбка расплылась на его раздражающе красивом лице.

– Но он же был.

– Ладно, сформулирую иначе: мы притворимся, будто ничего не было.

– Почему я должен это делать, если я могу закрыть глаза и живо вспомнить эти сладостные минуты? – Развалившись на стуле, он закрыл глаза. – О-о, а вот это я планирую пересматривать и пересматривать... А звук, который ты издала, когда кончила у меня на члене, – его мне не забыть, даже если я очень постараюсь...

– Локвуд! – рявкнула я.

Он тут же открыл глаза.

Вскочив со стула, я подалась вперед. Стол был королевских размеров – до Локвуда мне было не дотянуться, но так легче было заставить его не отвлекаться.

– Слушай меня. Вчерашний вечер был ошибкой размером с Техас. Этого не должно было случиться. Даже если забыть, с какой неприязнью я к тебе отношусь и как презирают друг друга наши семьи, я здесь ради работы. Моя работа мне очень важна. Поэтому я не потерплю, чтобы ты мозолил мне глаза и отпускал неподобающие комментарии в присутствии персонала.

Вестон смотрел мне в глаза не моргая, но я видела, что его тугие мозги пришли в движение. Потерев большим пальцем губу, он сел прямо.

– Хорошо, мы можем притвориться, что вчерашнего вечера не было.

Я прищурилась. Он сдался подозрительно быстро.

– А в чем подвох?

– Почему ты думаешь, что есть подвох?

– Потому что ты, Локвуд, нарцисс и скотина, который считает, что женщины – игрушки, созданные специально для него. Повторяю, в чем подвох?

Он поправил узел галстука.

– У меня три условия.

Я покивала:

– Ну конечно...

Он поднял указательный палец.

– Первое. Я хочу, чтобы ты называла меня не Локвуд, а Вестон.

– Что?! Чушь какая! Какая разница, как я к тебе обращаюсь?

– Локвудом все называют моего отца.

– И что?

– Если тебе больше по сердцу, можешь называть меня *мистер* Локвуд, так мне будет даже приятнее. – Он встряхнул головой. – Но не Локвуд, не то подчиненные начнут путаться.

В его словах мне почудилась определенная логика, хотя этим дело наверняка не ограничивалось. Вестон не стал бы расходовать одно из своих волшебных желаний, чтобы облегчить жизнь персоналу, за это я головой ручаюсь. Но эту просьбу я еще могла принять.

– Так. Дальше?

Вестон приложил к уху руку:

– Дальше... и?

Я повела подбородком:

– Ты сказал, у тебя три условия. Два остальных?

Он цокнул языком.

– Ты не договорила свой вопрос. Вместо «Дальше?» надо спросить «Дальше, Вестон?».

Да пусть, меня не убудет. Я же не всегда называла его Локвудом – иногда употребляла и слово «засранец», поэтому я легко перестроюсь. Черт, я не моргнув глазом могла обращаться к этому поганцу хоть «ваше величество», но звать его Вестоном после того, как он велел мне это делать, казалось угодливостью.

– Прекрасно, – процедила я.

Он снова приложил руку к уху.

– Прекрасно... а дальше?

– Прекрасно, Вестон, – сказала я сквозь зубы.

Он злоратно осклабил:

– Во-от! Молодец, Фифи.

Я прищурилась.

– То есть я должна называть тебя Вестоном, а ты будешь и дальше сыпать своими «Фифи»?

Не поведя и бровью, паразит сложил руки на столе.

– Второе. Ты будешь высоко подбирать волосы минимум дважды в неделю.

– Чего?! Да ты рехнулся! – фыкнула я, вспомнив, как вчера он уламывал меня на пари, что, если он обеспечит мне два оргазма, я сделаю высокую прическу. Я выгнала Локвуда после первого. – Какое тебе дело до моих волос?

Он выровнял папки, лежавшие перед ним на столе.

– Так мы договорились по второму пункту или нет?

Я подумала. В самом деле, не все ли равно, по каким гнусным соображениям он хочет, чтобы я звала его Вестоном и подбирала волосы на макушку? Мне это не смертельно, а он мог попросить и кое-чего гораздо хуже.

– Третье условие?

– Раз в неделю ты будешь ужинать со мной.

Презрительная гримаса сморщила мое лицо в печеное яблоко.

– Не стану я с тобой встречаться!

– Считай это деловыми совещаниями. Мы вместе управляем гостиницей, уверен, нам будет что обсудить.

И опять-таки он был прав, однако мысль сидеть напротив него и что-то кушать выбивала из колеи.

– Ланч, – выдвинула я встречное предложение.

Он покачал головой.

– Условия не обсуждаются. Принимай или отказывайся.

Я зарычала.

– Если я соглашусь на твои смехотворные условия, тебе придется выполнить свою часть договора. Ты никому не расскажешь о том, что случилось вчера вечером: ни болванам приятелям, ни персоналу, ни, естественно, твоей снобистской семейке. Мое разовое помутнение рассудка будет навсегда заперто в твоём птичьём мозгу и в жизни не доберется до языка.

Вестон протянул мне руку. Я колебалась, но ведь мне предстояло с ним работать, и я сама потребовала поглубже похоронить случившееся и общаться в профессиональном ключе. А профессионалы жмут друг другу руки. Поэтому, хотя каждая клетка моего тела приказывала мне избегать Вестона как чумы, я вложила свою руку в его клешню.

И тут, как в слезливом романтическом кинце, меня неожиданно дернуло неведомым электрическим разрядом – даже волоски на руке поднялись. А этот дурак оказался на редкость наблюдательным.

Полюбовавшись мурашками гусиной кожи на моем предплечье, он ухмыльнулся:

– Ужин завтра в семь. Место я сообщу дополнительно.

К счастью, в дверь постучался приглашенный на переговоры генеральный менеджер отеля, и приватный разговор пришлось сворачивать. Вошедший обогнул стол и подошел сперва ко мне:

– Я Луис Кэнтер.

– София Стерлинг, рада знакомству. – Мы обменялись рукопожатием.

Затем Луис поздоровался с Вестоном; они пожали друг другу руки, и Вестон тоже представился.

– Прежде всего, Луис, я хочу вас поблагодарить, – начала я. – Я знаю, вы обычно работаете с одиннадцати до семи, а сегодня приехали пораньше, чтобы у нас была возможность пообщаться до начала вашего напряженного рабочего дня.

– Без проблем.

– Я читала, что вы работаете в «Герцогине» дольше всех. Это правда?

Луис кивнул.

– Да. Я начинал здесь рассыльным в пятнадцать лет, выполнял поручения миз Коупленд и обоих ваших дедов. За свою карьеру я прошел все должности, какие существуют в отеле.

Я с улыбкой указала на кресло во главе стола, между Вестоном и мной.

– Невероятно! Нам очень повезло, что здесь есть человек с таким опытом и познаниями. Присаживайтесь, пожалуйста. В рамках обсуждения смены собственника мы готовы выслушать вопросы, вызывающие вашу озабоченность, буде таковые имеются...

– Вообще-то, – Вестон встал, – у меня срочное дело, я должен уйти. Меня не будет примерно до вечера.

Я заморгала:

– Какое еще срочное дело?

Вестон ответил, обращаясь к генеральному менеджеру:

– Луис, я приношу свои извинения, я поговорю с вами завтра. Уверен, вы и миз Стерлинг разберетесь во всем, что требует нашего вмешательства. Завтра вечером София передаст мне суть.

Он обалдел? У нас запланировано полдюжины встреч с сотрудниками гостиницы; наша цель – убедить людей, что их должностям ничто не угрожает и все будет как раньше. Все знают, что Стерлинги и Локвуды презирают друг друга, и от этого нервничают. А эта скотина решила прогулять совещания? И какое будет впечатление – один из новых совладельцев отеля даже не нашел времени для подчиненных?

– М-м-м... – Я встала. – Можно вас на минуту, прежде чем вы уйдете, Лок... Вестон?

Он сверкнул довольной улыбкой.

Я кивнула на дверь:

– В коридоре. – И обернулась к Луису: – Извините, я на минуту.

– Ничего-ничего, не торопитесь.

Когда мы вышли в коридор, я огляделась, не маячит ли рядом какая-нибудь горничная, уперлась руками в бока и шепотом заорала:

– Какого черта? У нас полный день деловых встреч! Что у тебя такого важного, что при-
спичило смыться?

Как и вчера, он намотал прядь моих волос на палец и сильно потянул.

– Ты справишься, Фифи. Ты же любишь всем угождать. Уверен, к вечеру все в отеле уже будут радоваться, что старая дура сыграла в ящик.

Я треснула его по руке, высвободив волосы.

– Я тебе не секретарь, что пропустишь – твоя проблема. Не жди, что я тебе стану докла-
дывать.

Поганец в ответ подмигнул, зная, что я до дрожи ненавижу подмигивания.

– Удачного дня, красотка.

– Не называй меня так!

На этом Вестон Локвуд удалился.

Этот человек доводит меня до иступления! Ну и хорошо, что убрался, скатертью дорога.

На совещаниях он мне нужен как собаке боковой карман.

Без него только спокойнее.

Как подумать, единственное место, где от поганца был хоть какой-то толк, – спальня.

Но этой ошибки я больше не допущу.

За это я могла ручаться.

* * *

Я вернулась к Луису и продолжила разговор:

– Как вы уже знаете, теперь отель принадлежит Стерлингам и Локвудам, – начала я. – У каждой семьи есть по сорок девять процентов акций, а оставшиеся два процента завещаны местному благотворительному фонду, который поддерживала миз Коупленд.

Луис с обожанием улыбнулся:

– «Легкие ноги».

– Да-да, – кивнула я.

Благотворительный фонд, довольствовавшийся пятьюдесятью тысячами долларов в год, которому Грейс оставила два процента акций, был довольно необычным. Им руководил один человек, его создатель. Два процента «Герцогини» – это годовой бюджет фонда больше чем за сто лет, поэтому неудивительно, что мужик очень хотел продать свои акции одним из нас.

– А что, у миз Коупленд были личные причины сделать такое крупное пожертвование? Фонд, конечно, достойный, но весьма своеобразный.

Луис уселся поудобнее и кивнул. Взгляд его сразу потеплел.

– Причиной тому стал Лео Фарли из поэтажного обслуживания.

Это имя было мне незнакомо.

– Работник отеля заставил владелицу обратиться к благотворительности?!

– Лет шесть назад Лео был бездомным. Долгая история – потерял работу, жена скончалась, из квартиры выселили, дочь покончила с собой, и все это свалилось на беднягу за один год. Лео иногда спал в переулке возле нашего служебного выхода, а миз Коупленд дважды в день совершала променад – в десять утра и в три часа дня. И вот однажды она наткнулась на Отто Поттера, который обрабатывал Лео ступни.

– Того самого Отто Поттера, руководителя фонда «Легкие ноги»?

Луис кивнул.

– Да. Отто в прошлом мастер педикюра, сейчас на пенсии. У многих бездомных проблемы с ногами: тут и некомпенсированный диабет, и ходьба босиком, и разные инфекции – полный букет. Отто открыл «Легкие ноги», чтобы помочь горожанам, которым не досталось легкого пути. Он и его волонтеры ходят по городу и обрабатывают ноги людям вроде Лео прямо на улице.

– А как Лео попал в отель?

– Миз Коупленд прониклась к нему симпатией. Когда у него поджили ступни, Лео стал сопровождать ее на прогулках, и в конце концов она предложила ему работу. Лео чаще всех сотрудников становился у нас работником месяца. Он вкладывает в дело всю душу.

– Удивительная история.

Луис гордо улыбнулся.

– У меня много таких историй о миз Коупленд. Она была на редкость хорошим человеком. Очень благожелательной.

Учитывая, что Грейс оставила двум мужчинам, когда-то любившим ее, это еще мягко сказано. Впрочем, я сочла услышанное хорошей новостью, потому что благожелательные работодатели обычно собирают лояльный коллектив, и я надеялась, что дела пойдут по накатанной, пока я торчу тут, управляя отелем и блюдя интересы семьи.

Решив вернуть беседу к насущным вопросам, я взяла ручку, лежавшую на принесенном мной блокноте.

– Расскажите мне о заведенных тут порядках. Хорошо ли идет работа? Может, вас что-то заботит или смущает?

Луис указал на мой блокнот:

– Хорошо, что вы припасли эту штуку.

Та-ак.

– Во-первых, у нас назревает забастовка.

– Что?!

– Миз Коупленд была щедрой и великодушной, но когда дело касалось управления, держала всех на коротком поводке. Я менеджер отеля, я смотрю за повседневной работой, а к деловым решениям Грейс никого не подпускала, и из-за ее долгой болезни многие дела оказались запущены.

Вздыхнув, я записала: «Пункт первый – забастовка».

– Луис, а что конкретно вам известно о проблемах с профсоюзом?

Сорок минут спустя у меня было исписано шесть страниц, и это только по первому вопросу.

– Что-нибудь еще?

«Пожалуйста, скажи “нет”!»

Луис нахмурился.

– Я бы сказал, что второй по важности проблемой является двойное свадебное бронирование.

Мои брови взлетели до корней волос.

– Двойное бронирование свадеб?!

Луис кивнул.

– Вы же знаете, что отпраздновать свадьбу в «Герцогине» у нас очередь стоит?

– Да, я об этом читала.

– Так вот, у нас два банкетных зала, Гранд-палас и Империал-салон. Их бронируют за три года.

– Поняла.

– Примерно два года назад мы начали принимать бронь для банкетов еще и на Террасу. Это точная копия Империал-салона, только с отдельной верандой на кровле.

– Я не знала, что там, на крыше, есть веранда.

Луис покачал головой.

– В том-то и дело, что ее нет. Строительство новой банкетной площадки с верандой заморожено, а даты забронированных свадеб неумолимо приближаются. На открытой веранде клиентам обещаны коктейли или даже часть банкета. До первой свадьбы всего три месяца. Как вы понимаете, заказы сделаны очень влиятельными семьями, новую банкетную площадку должна открыть свадьба племянницы мэра...

Я слушала с квадратными глазами. Вот черт!

Проблемы плодились, как кролики по весне. Непосвященным наш эксклюзивный отель виделся на пике формы, но на самом деле у «Герцогини» имелся длинный список неурядиц, копившихся долгое время, и теперь эти заморочки становились моими заморочками. Три с половиной часа Луис выкладывал одну беду за другой – мне даже пришлось сдвинуть следующие встречи. Когда мы с Луисом закончили, голова у меня шла кругом.

Я подошла к двери кабинета.

– Огромное спасибо, что ввели меня в курс дела.

Луис улыбнулся:

– Хорошо, что вас двое. Работы тут – не переделать.

Я и думать забыла о не вовремя слившемся Вестоне, и Луис, заметив мое замешательство, пояснил:

– Я говорю о мистере Локвуде. Всегда легче, если кто-то есть на подхвате.

Я решила не уточнять, что заставить Локвудов и Стерлингов на чем-то сойтись – самая большая проблема этого отеля.

– Да-да, – отозвалась я, изобразив самую широкую улыбку, на какую меня хватило. – В любом деле важен человек, на которого можно рассчитывать.

Рассчитывать, что он свалит в туман, как сегодня.

– Вы мне говорите, как я могу помочь.

– Спасибо, Луис.

Когда он ушел, я без сил опустилась на стул и схватилась за голову. Я-то думала, что еду в Нью-Йорк нянчиться с благополучным отелем, пока моя семейка пытается выкупить у Отто Поттера его долю, а тут настоящая засада. Пока я приходила в себя, оглушенная новостями, сотовый на столе зазвонил.

Я взяла телефон и не сдержала раздраженного вздоха.

На свете есть только один человек, с которым мне хотелось общаться еще меньше, чем с Вестоном Локвудом. Разумеется, он и позвонил. Решив достойно вытерпеть неизбежную тираду, я набрала в грудь воздуха и нажала «ответить».

– Здравствуй, папа.

Глава 4

София

– Как это могло случиться, черт побери?

Отец разошелся, не успели мы занять места за столом. Днем он бросил трубку через пять минут разговора, едва я упомянула о близящейся забастовке, – у меня даже не было возможности перечислить прочие проблемы. А полчаса спустя после того, как он шваркнул трубкой по аппарату, заставив меня дернуться, мне написала его секретарша, что самолет отца приземлится в семь и ужин будет в «Прайм», одном из ресторанов «Герцогини». Она не спросила, свободна ли я в это время, а просто сообщила, где мы будем есть.

Я вообще впервые узнала, что отец планировал сегодня прилететь в Нью-Йорк, и тем более не догадывалась, что он притащит и моего сводного брата Спенсера. Хотя, зная папашу вдоль и поперек, могла бы и догадаться.

– Ну как-как, – начала я, – из-за болезни миз Коупленд кое-что выпустила из-под контроля в надежде вернуться к делам, когда поправится. Соответственно, этому не суждено было произойти.

Подошел официант, чтобы принять заказы на напитки. Отец даже не дал бедняге закончить вопрос, грубо оборвав его и рявкнув:

– Виски со льдом! Односолодовый «Гленливет XXV».

Ибо скотч должен стоить от пятисот долларов за бутылку, чтобы папаша счел его достойным употребления.

Мой сводный брат-марионетка поднял руку:

– Дайте два.

Вот так – ни спасибо, ни пожалуйста, и ни тот, ни другой не слышали о том, что леди принято пропускать вперед.

Я попыталась загладить их грубость.

– Будьте добры, можно мне бокал мерло? Какая бутылка у вас открыта, из той можно и налить. – Я улыбнулась. – Благодарю вас.

Если отец и заметил мою подчеркнутую воспитанность, то комментировать не стал.

– Профсоюзом займется Спенсер, – бросил он. – У него есть опыт работы с «Локал 6»⁵. Ну уж нет!..

– Спасибо, я справлюсь сама.

– Это был не вопрос, София, – с нажимом сказал отец.

Я много чего спускала на тормозах, но тут папаша своего не добьется. Управлять отелем дедушка поручил мне, и я твердо решила не осрамиться.

– При всем уважении, папа, Спенсер мне здесь не нужен. А если мне понадобится помощь, я попрошу кого надо.

Уши у папы покраснели.

– Ты урвала себе кусок не по зубам!

– Дедушка в меня верит. Может, тоже попробуешь?

– Парни из профсоюза привыкли работать с мужчинами, – влез в разговор Спенсер. – Тебе не выдержать такого давления.

⁵ Американский профсоюз работников сферы гостеприимства.

Этот козел только что намекнул, что я не справлюсь, потому что я женщина? Теперь запылали уже мои уши.

К счастью, подошел официант, и я успела взять себя в руки. Как ни тянуло меня вспылить, я не унизилась до воплей и оскорблений с целью предельно четкого изложения моей позиции: это манера моего отца. Когда официант выставил на стол напитки, я попросила дать нам еще несколько минут, потому что ни один из нас еще не открывал меню.

Махнув полбокала мерло, я процедила, обращаясь к Спенсеру:

– Я не знала, что переговоры с профсоюзом зависят от размеров моего члена. Но не волнуйся, Спенс, нас в детстве купали вместе в одной ванне, и у тебя не больше, чем у меня!

– София! – вмешался отец. – Веди себя как леди и следи за языком!

Будто мало мне было унижения от сводного брата и папаши, в этот момент в ресторан вошел Вестон. Наши взгляды встретились, он мгновенно оценил обстановку, увидел, с кем я сижу, и направился к нашему столику. Я осушила бокал с вином, будто там была вода.

– Мистер Стерлинг, какая встреча! – Вестон положил руку на спинку моего стула и ошачил наш стол самой ослепительной и несносной улыбкой.

Отец смерил его взглядом и брюзгливо сказал:

– Господи Иисусе, есть хоть кому-нибудь дело до этого отеля? Я опасался, что Локвуды подойдут какого-нибудь ловкача, чтобы надуть мою дочь. Но раз они прислали тебя, одной заботой меньше.

Губа Вестона дернулась от сдерживаемого смеха, а взгляд скользнул по мне.

– О да, вы можете спать спокойно, я не *наду*ю вашу дочь.

Спенсер развалился на стуле.

– А я думал, ты в Вегасе.

– Уже девять месяцев как в Нью-Йорке. Отстаешь в развитии, Спенс.

Я подавила усмешку. Мой сводный брат терпеть не может, когда его называют Спенсом.

– Если ты тут, – не сдавался Спенсер, – кто же в Городе Грехов не дает пропасть казино и стриптизершам, Локвуд?

Вестон дерзко ухмыльнулся:

– Ты про Аврору Гейблс? Я слышал, у нее сейчас кто-то есть.

Улыбка Спенсера угасла. Интересненько. Похоже, Вестон на досуге поднабрал сплетен о моем непогрешимом сводном братце.

Челюсть Спенсера стала квадратной, и он прошипел:

– Что делается по поводу проблемы с профсоюзом?

Вестон ответил, виновато взглянув на меня:

– Я с ними сегодня встречался, мы вот-вот заключим соглашение.

Глаза у меня расширились. Вот же дрянь! Он все знал о готовящейся забастовке, но оставил меня выслушивать работников отеля, а сам поехал заниматься профсоюзом. Я его недооценила, решив, что он валяет дурака где-нибудь в городе, а Вестон вырвался на два шага вперед – разобрался с проблемой, которую мы должны были решать вместе. Спенсер с отцом меня раздражали, но теперь я пришла в ярость.

– Ты позволила Локвуду взять на себя деловой вопрос? – взорвался отец. – Что у тебя вместо головы? Ночной горшок или что?

Вестон поднял руку:

– Ого, погодите-ка, нет нужды повышать голос. Не разговаривайте так с Софией.

– Не указывай, как мне говорить с моей дочерью!

Вестон выпрямился.

– Я не собираюсь молча стоять и слушать, как вы оскорбляете женщину, и мне наплевать, дочь она вам или нет. Потрудитесь проявить уважение.

Отец встал и бросил салфетку на стол.

– Не лезь в чужие дела!

Ситуация стремительно выходила из-под контроля, и мне не понравилось, какое направление принял разговор. Я тоже встала.

– Так, а ну тихо, оба! – Я указала на отца: – Я не потерплю, чтобы ты на меня кричал и осыпал ругательствами. – Я развернулась к Вестону и ткнула пальцем ему в грудь: – А ты... Я в твоей помощи не нуждаюсь.

Вестон покачал головой.

– Я и забыл, какая вы семейка Адамс. Всегда знал, что твой старик садист, но не подозревал, что ты мазохистка, Фифи. Ну, приятного ужина, черт побери. – Он повернулся и вышел из ресторана.

Мы с отцом остались стоять. Отчего-то мне не хотелось садиться первой.

– Я здесь всего тридцать шесть часов, – раздельно произнесла я. – И потрудись на меня не давить. Если мне понадобится помощь, я за ней обращусь. Мы на одной стороне, и я считаю просьбу о помощи в случае необходимости качеством лидера, а не слабака. А теперь не угодно ли присесть и обсудить проблемы, возможно, что-нибудь посоветовать из своего многолетнего опыта? Я буду только рада конструктивной беседе. Если нет, я закажу себе ужин в номер.

Отец что-то пробурчал под нос, но взял салфетку и сел.

– Большое спасибо, – бросила я.

Остаток ужина прошел спокойнее, хотя чем дальше я перечисляла накопившиеся осложнения, тем труднее отцу было удержаться и не навязать мне нахрапом Спенсера. Сводный братец, как всегда, кивал и повторял за папашей, но ничего ценного не добавил.

Я отказалась от кофе и десерта, чтобы не затягивать встречу. К счастью, отец и Спенсер последовали моему примеру. Мы распрощались в фойе. По дороге к лифтам мне очень захотелось свернуть в бар, но я знала, что мне сейчас понадобится свежая голова. Через пару минут у нас с Вестоном состоится совещание, о котором он и не подозревает.

* * *

– Так и знал, что ты не устоишь перед вторым раундом! – обрадовался Вестон, распахнув дверь и не отпуская руку.

Я прошла мимо него в номер. Развернувшись, я впервые заметила, что на нем лишь расстегнутая рубашка и черные боксеры. Я обвела рукой это безобразие:

– Ты чем занимаешься, черт побери?

Он взглянул на себя.

– М-м-м... раздеваюсь.

Я отвернулась.

– Надень что-нибудь, болван.

К моему удивлению, он послушался. Подошел к своим брюкам, висевшим на спинке стула, и натянул их. Молнию он застегнул, но с пуговицей и ремнем возиться не стал.

Обернувшись, раз он принял приличный вид, я невольно засмотрелась на тонкую дорожку волос, тянувшуюся из-под расстегнутого пояса к пупку. Я попыталась не отвлекаться, но эта дорожка... черт, она была сексуальна как не знаю что. Это взбесило меня еще сильнее.

Сморгнув, я усилием воли скинула взгляд и уперлась руками в бока:

– Какого черта? Ты знал о проблеме с профсоюзом и поехал к ним один? Это что еще за хрень?

Вестон пожал плечами.

– Что-то я не видел звонков на своем телефоне после того, как ты обо всем узнала.

– Я узнала уже после того, как ты свалил на свою таинственную встречу! – возмутилась я. Вестон подался ближе.

– Твой папаша – настоящий козел.

Ну, это любой скажет. Это не тайна, тем более для меня. Я имею право критиковать отца как угодно, но больше никому этого не позволю, тем более Локвуду.

– Не говори такие вещи о моем отце.

Глаза Вестона расширились, и он даже немного подался назад.

– Ты его защищаешь после того, как он с тобой разговаривал?

– Как он со мной говорит, не твое собачье дело!

Он усмехнулся, но промолчал.

– Чему ты ухмыляешься? – зарычала я.

Вестон постучал пальцем по передним зубам.

– У тебя тут что-то застряло, шпинат или петрушка. Ты ела устриц «Рокфеллер»? Очень недурны, не правда ли?

– Чего?! Не ела я никаких устриц. – Я поспешно вытерла губы.

– Я сейчас тебя в детстве вспомнил. Помнишь, какая щель у тебя была между резцами? Там могло застрять только что-то здоровенное. Почему ты от нее избавилась? Мне она нравилась.

У меня действительно в детстве были ужасные зубы – я провела несчетные часы в кресле ортодонта и пять лет носила брекететы. Но меня удивило, что Вестон это помнит.

Застав меня врасплох, он наклонился и ногтем коснулся моих зубов, что-то оттуда вытаскивая.

– Вот, – сказал он, поднимая палец.

Отчего-то этот простой жест показался удивительно интимным, согревающим сердце. Поэтому в качестве контрмеры я напустила на себя арктический холод.

Шлепком отогнав его руку, я проворчала:

– Держи руки при себе.

Вестон двинулся на меня.

– Ты уверена? – Он положил руку мне на бедро. – Вид у тебя, будто ты не прочь выпустить пар.

Меня возмущало, что тело немедленно реагировало на его прикосновения. Это бесило даже больше, чем то, что Вестон делал или как он вмешался в мой разговор с отцом.

– Нужен ты мне!..

Он оказался совсем рядом. Пальцы глубже впились в мое тело.

– Наконец-то мы на одной странице.

– Почему ты мне не сказал про профсоюз?

Он наклонился ближе ко мне и глубоко вдохнул.

– Что у тебя за духи?

– Отвечай, засранец, почему ты ничего мне не сказал о забастовке?

– Я бы сказал, но тебе бы не понравилось.

– Мне не нравится основная часть того, что выходит из твоего рта, однако это не мешает тебе болтать!

– Председатель профсоюза не воспринимает женщин всерьез. Если бы ты увязалась за мной, этот говнюк не стал бы тебя слушать, а после обсудил со мной твои сиськи. Это бы вывело меня из себя, и я бы ему врезал. Во избежание такого геморроя я съездил один.

– Лучший способ справиться с сексистом – это не уступать ему и общаться в профессиональном ключе!

Вестон вроде бы обдумал мои слова и кивнул:

– Окей. Я хотел защитить тебя от дерьма, а не подставлять под коричневый поток, но я тебя понял.

Напряжение начало меня отпускать.

– Больше так не делай.

Угол его губ дернулся.

– Слушаюсь, мэм.

Он посмотрел на свою руку, все еще лежавшую у меня на бедре, и я тоже туда посмотрела. Рука медленно начала подниматься.

Меня охватило приятное томление. Следовало ударить по этой руке и гордо выйти из номера, но я стояла столбом, глядя, как она прошлась по моему бедру, обвела изгиб талии и скользнула по боку. Добравшись до округлости груди, Вестон взглянул мне в глаза.

У меня возникло чувство, что он дает мне время его остановить. И мне очень-очень хотелось его остановить. По крайней мере, это диктовал рассудок. А вот тело... у тела было свое особое мнение. Прошло всего двадцать четыре часа после того, как Вестон ко мне прикасался, но я успела отчаянно, иступленно стосковаться. Грудь поднималась и опускалась все быстрее, пока я смотрела, как рука Вестона проехала вверх по шелковой блузке, накрыла чашку бюстгальтера и сжала.

– Господи, как я тебя презираю, – прошипела я, закрывая глаза.

– Ага, твои соски от презрения сейчас блузень насквозь проткнут.

Вестон запустил ладонь мне в вырез и сдвинул лифчик вниз, после чего ущипнул меня за напрягшийся сосок. Презирая уже себя, я не удержала легкого писка.

– Любишь пожестче, да?

Я процедила, не открывая глаз:

– Не порти момент болтовней.

Рука под моей блузкой переместилась к другой груди. Свободной рукой Вестон взял сразу обе мои руки и, крепко сжав запястья, прошептал мне на ухо:

– Может, нам придумать стоп-слово?

О господи, да что со мной? Почему идея стоп-слова так меня возбуждает?

Когда я не ответила, Вестон укусил меня за ухо:

– Выбери слово, красотка.

Я открыла глаза:

– Засранец.

Тихий смех Вестона разошелся по коже щекочущей вибрацией.

– Нужно такое слово, которое ты не используешь как мою кличку. То, которое ты не повторяешь десять раз на дню, когда я рядом.

– Мне не нужно стоп-слово, я не занимаюсь извращениями.

Вестон выпрямился.

– Ты меня презираешь, а я готов связать тебе руки за спиной, чтобы ты могла сексом по ненависти прогнать из памяти сегодняшний день. Назови это как хочешь, но тебе нужно стоп-слово, милая.

Он вынул руку из-под моей блузки и потянулся к своим брюкам, взявшись за пряжку ремня. Одним движением он выдернул ремень из шлевок, и этот свист кожи о ткань оказался одним из самых эротичных звуков, какие я слышала.

Отпустив мои руки, Вестон показал мне ремень:

– Повернись. Сложи руки за спиной.

Боже, какой у него хриплый, напряженный голос... Если бы у секса был звук, это точно был бы голос Вестона. Однако я колебалась. Настал момент истины: неужели я позволю человеку, которого презираю всю свою жизнь, связать мне руки и делать со мной все, что он хочет? Видя в моих глазах нерешительность, Вестон приложил ладонь к моей щеке:

– Я не сделаю того, чего тебе не захочется.

– А если я не хочу, чтобы ты связывал мне руки?

– Тогда я не стану тебя связывать. – Он глядел мне то в один глаз, то в другой. – Но ты же этого хочешь, правда? Перестань думать о том, правильно это или нет, и делай то, что тебе хочется, Соф.

Я отметила, что он наконец-то назвал меня настоящим именем. Глубоко вдохнув, я приняла безумное решение отбросить осторожность, но предупреждающе подняла палец:

– Следов не оставляй.

Лукавая улыбка расцвела на лице Вестона. Без лишних слов он развернул меня к себе спиной, соединил мои руки, стянул запястья ремнем и удобно его застегнул.

– Потяни немного, – сказал он.

Я честно попыталась вырвать запястья, но ремень держал крепко.

Вестон повел меня к письменному столу у окна. Я ожидала, что все произойдет так же, как вчера: ну, то есть меня согнут пополам, и он возьмет меня сзади. Но я неправильно угадала намерения Вестона Локвуда. Он развернул меня, подхватил обеими руками за талию и усадил на стол.

– Раздвинь ноги.

– У нас правила, – задыхаясь, ответила я. – Только сзади.

Вестон сжал мои колени.

– Это когда я тебя трахаю. Но я еще к этому не готов.

Я сглотнула.

Он понемногу развел мои ноги. Я даже не попыталась ему помешать.

– Последняя возможность. Стоп-слово, София?

– Герцогиня, – прошептала я.

Вестон улыбнулся:

– Хороший выбор.

Он отступил на шаг. С раздвинутыми ногами и с руками, связанными за спиной, я чувствовала себя очень незащищенной. Пытаясь вернуть себе уверенность, я фыркнула:

– Приступай уже, и давай с этим покончим!

Вестон прикусил свою нижнюю губу, и, клянусь, я почувствовала его укус между ног. В том, как он на меня смотрел, было что-то невероятно сексуальное.

– Смотри мне в глаза, пока я буду трахать тебя пальцами.

У меня отвисла челюсть. Ну и наглость у этого типа!

Развеселившись от выражения моего лица, Вестон снова сократил дистанцию между нами. Просунув одну руку мне между ног, он не очень деликатно сдвинул мои трусы в сторону. Два пальца прошлись вверх-вниз по моему центру, а затем один нырнул внутрь, совсем как вчера вечером, но все равно неожиданно.

Я невольно ахнула.

– Какая ты уже влажная для меня...

Он начал накачивать меня пальцем, и мои глаза против воли закрылись.

– Тсс, ты разве забыла, что я тебе сказал? Открой глазки, моя маленькая Фифи!

Я начала говорить, чтобы он перестал меня так называть, но его палец несколько раз погрузился в меня и вынырнул, и мысли у меня исчезли быстрее, чем внутренний зажим.

– Раздвинь ноги шире, чтобы я мог дать тебе больше. Мне нравится, что ты такая тугая...

Рассудок диктовал сомкнуть ноги одним резким движением, но тело хотело того большего, что обещал Вестон. Я бесстыдно развела ноги.

Вестон улыбнулся. Глядя мне в глаза, он вынул один палец и ввел в меня два. Я напряглась на минуту, но тут же расслабилась, потому что он продолжал движения с методичной точностью.

– Еще один...

Я так забылась в ощущениях, что не поняла, о чем он, пока не почувствовала, как в меня входит третий палец. Я застонала и снова закрыла глаза.

Вестон выждал несколько секунд и прошептал мне на ухо:

– Какая ты красивая, когда возбужденная. Какая жалость, что ты хочешь меня только сзади... Держу пари, зрелище, когда ты кончаешь на моем члене, а не на руке, просто фантастическое.

Я прерывисто задышала. Его теплое дыхание мне в ухо вместе с постоянным поглаживанием внутри подвело меня на грань оргазма. Вестон согнул пальцы и начал входить под другим углом. Я поняла, что вот-вот кончу.

Пальцы другой руки он запустил мне в волосы. Оттянув мою голову назад, он поцеловал обнаженную шею.

– О-о-о... о боже.

Вестон потянул за волосы еще сильнее, так что стало даже больно (но недостаточно, чтобы его останавливать), и большим пальцем начал поглаживать мне клитор.

– Открой глаза, когда кончишь, – простонал он, отстраняясь, чтобы глядеть на меня. Но я была так захвачена моментом, что почти не слышала его. Он повторил, на этот раз строже: – Открой глаза. Слушай меня, София.

Глаза открылись сами. Инстинктивно я хотела ухватиться за него, забыв, что руки стянуты сзади. Ремень на запястьях и не думал подаваться – чем больше я тянула, тем сильнее он впивался мне в кожу. Удивительно, но быть связанной меня не пугало, а только сильнее возбуждало. Сделав еще несколько попыток освободиться, я почувствовала, что приближаюсь к вершине блаженства. О боже! Оргазм сотряс мое тело, вырвав у меня утробный звук, нечто среднее между криком и стоном. Наши взгляды встретились, и огонь в глазах Вестона, смотревшего на мой оргазм, заставил меня зачарованно замереть. Я повалилась вперед и уткнулась лбом ему в плечо, позволив себе закрыть глаза.

Вскоре я снова почувствовала себя беззащитной.

– Снимай, – прошептала я, не открывая глаз.

– Ты уверена?

Я кивнула.

Вестон дотянулся и растегнул ремень, освободив мои руки.

Я растерла запястья. Они были красные, но не саднили.

– Хочешь, я принесу льда?

Я покачала головой.

– Все нормально.

– Может, крем?

Его мягкий тон взбесил меня почти так же, как то, чему я только что позволила случиться. Я уперлась ладонью Вестону в грудь и отодвинула на шаг.

Поправляя юбку, я огрызнулась:

– Не надо телячьих нежностей.

У Вестона округлились глаза.

– Хочешь, чтобы я был скотиной? – Он показал большим пальцем назад. – Там наверняка найдется соль, могу посыпать, чтобы жгло. Так тебе больше нравится?

Я прищурилась и соскочила со стола.

– Знаешь, что мне еще больше понравится? Чтобы ты не встречался с представителями профсоюза в мое отсутствие! Мы владеем равными долями отеля, и ты обязан получить мое одобрение для ратификации любых твоих договоренностей.

– Две минуты назад ты стонала, а теперь опять о профсоюзе? Может, отложим деловые разговоры на потом?

Я пригладила юбку. Я не планировала срочно убегать из номера. С другой стороны, я не планировала и того, что сейчас имело место... Тут до меня дошло, что теперь контроль у меня. Мне выпал шанс дать Вестону почувствовать себя в моей шкуре. Медленная злорадная улыбка растянула мои губы, и я приподняла бровь.

– На потом?

Вестон поглядел на заметный бугор у себя под брюками и снова взглянул на меня.

– Мы не закончили.

– Правда? – И я пошла к двери. На пороге я глянула через плечо: – Надеюсь, теперь до тебя дойдет, что такое подстава. Сладких снов, *Вестон*.

Глава 5

Вестон

– Ну, как поживаете? Я рада, что вы не отменили нашу сессию и на этой неделе.

Доктор Хэлперн скрестила ноги и положила свой блокнот на стол.

Мне впервые не пришлось скрывать, что я пожираю глазами ее точеные икры, причем не потому, что Хэлперн вдруг решила надеть брюки – ее длинные ноги были выставлены на обозрение, как обычно.

Я лежал на пресловутом диване в ее кабинете, хотя Хэлперн и говорила мне, что это необязательно и большинство пациентов сидят. Согласен, психолог, бдящий у ложа шизика, облегчающего душу, встречается чаще в кино, чем в жизни, но раз я уж сюда пришел, не грех заодно и отдохнуть.

– Я вам говорил, как у меня был круп? – спросил я. – Мне было примерно четыре, а Кэролайн шесть.

– Нет, я не помню, чтобы вы об этом упоминали.

– Мать отдала мне последнее мороженое, и сестра осталась этим недовольна. Мама включила увлажнитель в моей комнате, и пока я наслаждался мороженым, Кэролайн подошла и пописала в увлажнитель. Когда мама пришла укладывать меня спать, в комнате стоял аммиачный туман.

Краем глаза я видел, что доктор Хэлперн взяла блокнот и что-то записала.

– Вы и об этом пишете? Решили на ком-то опробовать такой фокус или нашли корень моих проблем?

Доктор Хэлперн отложила блокнот и ручку.

– Я записала, что вы сами заговорили о своей сестре. Есть какая-то причина, отчего вы сегодня подумали о Кэролайн?

Обычно то, что спрашивала милейшая докторша, я пропускал мимо ушей, но сегодня отчего-то задумался.

– Причин вроде нет.

– Расскажите, как у вас прошли последние двое суток. Даже если они были сплошь заняты рутиной, я бы хотела послушать.

– Точно?

Хэлперн кивнула и сложила руки на коленях.

– Да.

– Ну... Гм...

Битых двадцать минут я излагал ей свои два дня, опустив интимные встречи с Софией: вряд ли психотерапевт станет анализировать такие мелочи. Однако она все равно нашла, к чему прицепиться.

– Значит, вы давно знакомы с Софией?

– Да, но не очень близко.

– Когда в последний раз вы видели Софию до этой случайной встречи?

Я улыбнулся.

– На выпускном.

– Вы пригласили ее на выпускной?

Я покачал головой.

– Нет.

– То есть вы просто видели ее на выпускном балу?

Мысленно я перенесся на двенадцать лет назад и увидел Софию в ее платье. Платье было алым и выгодно подчеркивало все изгибы фигуры. Большинство девочек явились нарядными, но вид у них был именно как у школьниц на выпускном балу, а София выглядела элегантно и выделялась из общей массы – я не мог оторвать от нее глаз всю ночь, хотя девушка, которую я привел, энергично перечисляла мне все штучки, которыми ей не терпелось со мной заняться после выпускного.

– Да, хотя для нее бал оказался нерадостным.

– Почему?

– Ее бойфренд переспал с ее двоюродной сестрицей. София услышала характерную возню в кабинке женского туалета.

– Боже мой... Да, это, конечно, испортило ей вечер.

– Особенно когда я врезал в нос этому... – вспомнив, какое лицо обычно делает Хэлперн, когда я сквернословлю, я договорил: – ...лузеру.

Доктор Хэлперн улыбнулась.

– Спасибо. Значит, вы с Софией дружили?

Я тоже улыбнулся.

– Нет, мы друг друга на дух не переносили.

– Но вы защитили ее честь.

Я пожал плечами.

– Ее дружка я недолюбливал еще сильнее.

– А за что?

Я начал отвечать и замолчал. А с какого это мы обсуждаем события двенадцатилетней давности и причины моей неприязни к этому типу? Обернувшись к доктору Хэлперн, я спросил:

– Какой смысл в этих вопросах? По-моему, мы отклоняемся от темы.

– А что вы видите сегодняшней темой? Есть что-то конкретное, о чем вам хочется поговорить?

Я провел рукой по волосам.

– Не обижайтесь, но, будь на то моя воля, я бы с вами вообще тут не разговаривал. И конкретной темы я пока не придумал.

Хэлперн долго молчала.

– Ну-с, продолжим. Может быть, София дружила с Кэролайн?

– Нет, у Кэролайн почти не было подруг. Она часто пропускала школу, ей многое было недоступно из того, что обычно есть у детей.

– Вернемся ненадолго к Софии и выпускному балу. По какой-то причине вы почувствовали потребность вмешаться в ее отношения и затеяли потасовку с ее бойфрендом. София из-за этого расстроилась?

Я пожал плечами.

– Насколько мне известно, она вообще об этом не знает. Она убежала, застукав их в туалете.

– И после этого вы ее не видели?

Я улыбнулся.

– Отчего же, видел. Настроение у меня было паршивое – приятели напились и вели себя как идиоты, а я пить не мог и рано ушел с выпускного. С Софией я столкнулся на парковке.

– А почему вы не могли пить, как остальные?

– У меня процедура была назначена на утро. Кэролайн снова стало хуже.

Доктор Хэлперн нахмурилась.

– Значит, вы встретили Софию на парковке. И что случилось?

Я улыбнулся.

– Мы, как всегда, поссорились. Она решила, что я пришел позлорадствовать – ее мерзавец бойфренд даже не побежал за ней извиняться. На бал мы приехали на лимузине – нас высадили, и машина уехала, поэтому я позвонил своему водителю, и он нас забрал.

Я не был уверен, рассказывать или нет о том, что, пока София на меня орала, я прильнул к ее губам и вскоре мы направили накопившееся раздражение в гораздо более продуктивное русло.

– Мы немного потусили у нее дома. Я заснул в ее комнате на рассвете и проснулся спустя полчаса после того, как мне полагалось быть в больнице. Я взял такси и примчался в помятом смокинге. – Я покрутил головой. – Мать потребовала от врачей сделать мне анализ крови на алкоголь, убежденная, что я предпочел веселье заботе о Кэролайн. Она не поверила, когда я поклялся, что не выпил ни капли.

Доктор Хэлперн взяла блокнот и писала битых две минуты.

– Возможно, встреча с Софией напомнила вам тот период вашей жизни, когда вы помогали сестре?

Не исключено, подумал я. Хотя вчера о сестре я вспоминал меньше всего. Я пожал плечами:

– Все может быть.

Мы двинулись дальше по аллее памяти. Когда доктор Хэлперн спросила, как дела в «Герцогине», я чуть не проболтался, как эпически облажался, переспав с врагом. Но вовремя спохватился, что тогда она продержит меня здесь весь день, докапываясь до реальных причин моего поведения.

Ибо мозговедов не убедить, что иногда ты просто теряешь голову при виде кремовых пуговиц на синей блузке. Цвет этих пуговиц в точности совпадает с оттенком ее кожи над воротником, и, раз ты не можешь укунить ее в шею, которая сводит тебя с ума, приходится довольствоваться звуком, с которым маленькие кремовые жемчужинки прыгают по плиткам пола.

Доктор Хэлперн этого точно не поймет, а если поймет, то вылетит из бизнеса. Взглянем правде в глаза: чтобы платить за дом в тихом центре Нью-Йорка, ей нужно подвергать самому зверскому психоанализу все, что мы, пациенты, делаем.

А истина в том, что иногда мы подчиняемся порыву, животному инстинкту и София-чертова-Стерлинг обладает уникальной способностью будить во мне зверя.

Глава 6

София

– Можешь взять хоть шесть номеров. Заказывать на твое имя? Все прилетят с тобой или будут заселяться самостоятельно?

Скарлетт прислала имейл с просьбой забронировать ей два номера, и я решила ей позволить, все равно не сплю.

– Я точно не знаю, но если ты закажешь номер на имя Томасона, будет прекрасно.

– Без проблем.

– Слушай, а сколько у вас сейчас? Раз у нас семь утра, в Нью-Йорке, получается, два часа ночи?

Я вздохнула.

– Не могу заснуть, сижу читаю имейлы.

– Никак не привыкнешь к разнице во времени?

– Да нет...

– Только не говори, что ты потеряла сон из-за этого бездельника Лиэма!

– Еще чего!

– Тогда что лишило тебя сна красоты?

Раньше я не звонила Скарлетт, чтобы понять, но сейчас очень надеялась поговорить откровенно. Четыре часа назад я вышла из номера Вестона, однако голова еще кружилась после того, что произошло.

– У меня небольшая проблема.

– София, нет! Не вздумай надевать черные брюки с коричневыми туфлями, даже если я далеко!

Я засмеялась.

– Если бы все было так легко...

– Подожди секунду. – Скарлетт накрыла телефон ладонью, но мне был слышен приглушенный разговор. – Это что такое? – коротко спросила она.

Ответил мужской голос, причем говоривший явно нервничал:

– М-м-м... Это... ваш кофе. Из нового кафе «Синабон», как вы и просили.

– Но что внутри? Что вы туда, камней напихали?

– Там булочка с корицей.

– Что?!

– Вы заказали кофе, а сверху булочку с корицей.

– Я заказала кофе с корицей сверху! Кто в здравом уме может решить, что человек заказывает булку в стакане кофе?

– Уф... Простите, я сбегаю еще раз.

– Да уж будьте любезны! – И Скарлетт сказала мне в трубку: – Говоришь, у тебя проблемы? Уж точно не хуже нового помощника, которого мне прислало рекрутинговое агентство.

– Да, я все слышала. Совсем ты его запугала... Поверь, у меня действительно кое-что стряслось.

Скарлетт вздохнула.

– Ну, куда еще ты влезла, дорогая?

– Помнишь семейку, о которой я тебе рассказывала? Владелец конкурирующей сети гостиниц, которым теперь досталась половина «Герцогини»?

– Помню, Локсы.

– Локвуды. Но я тебе не говорила, что нечаянно переспала с одним из них, Вестоном. Мы с ним ровесники.

– Нечаянно переспала? Что, оступилась и упала прямо этим местом ему на член?

Я фыркнула от смеха.

– Ладно, я неудачно выразилась. Скорее на меня нашло затмение и я себе позволила. Это было давно, в ночь после школьного выпускного. Я пришла с бойфрендом, а домой уехала с Вестоном.

– Ах, развратница! А я и не подозревала за тобой такие таланты.

Я улыбнулась.

– Это долгая история, я просто психанула. У меня в том году умерла мама, а на выпускном балу я застала своего бойфренда, не поверишь, с одной из моих кузин – не иначе, семейное проклятие у нас такое. Отец не приехал на бесплатную фотосессию нашего класса, потому что у моего сводного брата Спенсера тоже был торжественный вечер и его веселье в десятом классе оказалось бесконечно важнее моего выпускного. Короче, я уехала оттуда с Вестоном, который забил на свою подружку. Все ограничилось одним разом. Мы ненавидели друг друга, но секс... Даже со скидкой на гормональные бури секс был крышесносный.

– А-а, секс из ненависти! Один из моих любимых.

– Так вот, это и есть моя проблема. Ну, одна из проблем.

– Не понимаю.

– Вестон сейчас тоже в «Герцогине», его семья командировала. Мы с ним временные управляющие, пока идет оценка отеля, чтобы знать, сколько предложить миноритарии за его два процента акций.

– Значит, тебя к Вестону влечет, но вы все равно не ладите?

– Да. – Я повернулась на бок и вздохнула. – И я опять нечаянно с ним переспала.

Скарлетт завизжала так громко, что я отдернула от уха руку с телефоном.

– Обалдеть! Супер!

– Ничего хорошего.

– Почему?!

– О боже, да по всему! Во-первых, он мне антипатичен. Он язвительный, высокомерный, играет у меня на нервах, называя дурацкой детской кличкой, которую придумал еще в начальной школе. Во-вторых, он же мой враг! Наши семьи ненавидят друг друга, каждый пытается любыми средствами первым прийти к финишу в этой гонке за контрольным пакетом...

– Но при всем при этом ты опять случайно упала на его член?

Я широко улыбнулась.

– Ага.

– В этом чувствуется такое прелестное нарушение запретов и вседозволенность... Может, это тебе и надо после полутора лет ходячей хандры в виде Лиэма Албертсона?

– Что мне надо, так это держаться от Вестона подальше. Не знаю, что со мной происходит, но всякий раз, как мы ссоримся, скандал заканчивается кошачьей свадьбой.

– Это просто божественно!

Скарлетт не так уж ошибалась – в горячке процесса это действительно было божественно. Но короткий дешевый восторг рассеивался вместе с розовыми облаками оргазма, и я чувствовала себя хуже прежнего. К тому же я приехала сюда работать, а не брататься с врагом.

– Слушай, может, мне пояс верности начать носить?

– А мне кажется, тебе нужно как раз переспать с кем-то поинтереснее Лиэма.

– Тебя когда-нибудь влекло к мужчине, который до добра не доведет?

– А разве ты не помнишь, как на первом курсе я крутила роман с сорокалетним профессором психологии? Три развода за плечами, последняя жена – его бывшая студентка! Самая

большая глупость, какую я себе позволяла, но – боже, это был лучший секс в моей жизни! Мужик действовал на меня как мята на кошку. Каждый день я входила в аудиторию с твердым намерением больше ни-ни, но когда он говорил: «Мисс Эверсон, задержитесь на минутку после занятия» – да еще таким тоном, будто он засек, как я списываю, и задаст мне головомойку, – все. Домой я отправлялась с перепачканной черным маркером спиной, потому что у него была привычка елозить мной по доске.

– И как ты из этого выпуталась?

– Семестр закончился, а на второй я нарочно не записалась на психологию. Пока я его не видела, держала себя в руках.

Я вздохнула.

– У меня этот номер не прокатит. Мы здесь застряли минимум на месяц.

– погоди, получается, тебя возбуждают ссоры с этим парнем?

Я была о себе лучшего мнения, но подруга попала в точку.

– Да. Мне будто хочется физически выместить на нем мой гнев.

– Тогда просто перестань с ним ссориться.

Я начала говорить, что это не поможет, но... Ха! Все гениальное просто. Неужели срабатывает?

– Вряд ли мы сможем поладить. Мы всю жизнь только и делаем, что спорим.

– Ну, уж либо будь вежливой, либо не замедлит еще одна случайность.

– Ох... Ладно, попробую.

– Вот и славно. А сейчас постарайся вздремнуть, а я продолжу изводить нового помощника-стажера.

– Соломоново решение, – засмеялась я.

– Все, ложись спать. Звони, когда старая привычка пересилит и ты опять переспишь с этим Вестоном.

– Сплюнь и постучи! Жду тебя в «Герцогине» через неделю.

– Пока, дорогая!

Я поставила телефон заряжаться и укрылась с головой.

Скарлетт права. В самом деле, мне нужно всего лишь быть вежливой с Вестоном. Что тут сложного?

Или все-таки...

Глава 7

София

– Доброе утро, Вестон! – я сверкнула ему самой ослепительной из моих улыбок.

Ничего ослепительного у меня Вестон видеть не привык и подозрительно взгляделся в мое лицо.

– Доброе утро?

Он сидел за письменным столом в кабинете покойной миз Коупленд, явно нарываясь на скандал на тему, кому достанется этот просторный угловой офис с видом на Центральный парк. Но я направилась к круглому столу, не переставая улыбаться.

– Хочу рассказать тебе о других проблемах, которые вчера перечислил Луис. Может, мы разделим список, который я составила, и будем отвечать за свою половину?

– Гм... А что, это логично.

Вестон, насторожившись, ждал подвоха, но у меня не было туза в рукаве. Я много думала о нашем со Скарлетт разговоре и решила, что она каким-то образом угадала истину. До последнего времени я считала себя довольно обыкновенной – ванильной, как говорится, – но какая-то темная, глубоко сидящая часть меня буквально кончала от ссор с этим человеком. Если мы поладим, глядишь, я и не буду всякий раз оказываться с трусами на щиколотках.

Вестон встал и подошел к круглому столу, за которым сидела я. С утра я распечатала длинный список проблем, которые мы обсуждали с Луисом. Пододвинув сколку из трех листов на край стола, я подняла глаза на Вестона.

– Вот список. Вначале самое срочное, но просмотреть нужно все. Я спущусь за кофе, а когда вернусь, обсудим, хорошо? – Я поднялась со стула.

Выражение лица Вестона было просто комичным. Ожидал от меня строптивости? Не сегодня, приятель. Я направилась к двери, но задержалась на пороге:

– Хочешь, я и тебе кофе принесу? Может, фруктов или маффинов?

– Уф... Да, было бы кстати. Большой черный кофе и маффинов с черникой.

– Без проблем. – На этот раз я даже показала зубы в преувеличенно широкой улыбке. Моя любезность оказалась новой пыткой для Вестона – кто бы мог подумать? Да, идея, безусловно, неплохая.

Я повернулась уходить, но Вестон меня остановил:

– Подожди, ты же не собираешься отравить мой кофе?

Я засмеялась.

– Я скоро вернусь.

Моя притворно приподнятая манера держаться, похоже, не прошла даром. По дороге в кафе я поймала себя на том, что весело насвистываю. Я радовалась, что Вестон сбит с толку, а моя шея еще больше радовалась отсутствию напряжения. У меня там светло, еще когда я села в самолет.

Когда я вернулась, Вестон по-прежнему сидел за круглым столом. Он сделал какие-то пометки в списке, который я ему вручила, и теперь строчил что-то в желтом линованном блокноте, попутно просматривая в телефоне список контактов. Я вручила ему кофе и бумажный пакет с маффином, снова улынувшись до ушей.

– Я попросила подогреть твой маффин – надеюсь, ты не против? Кстати, в пакете несколько порций сливочного масла.

Лоб у него пошел морщинами.

– Классно, спасибо.

Я присела напротив, сняла пластиковую крышку со своего кофе и взяла ручку.

– Может быть, начнем с моего списка? Когда закончим, ты расскажешь, как вчера прошло с профсоюзом и чем я могу быть полезна.

– Ну, допустим...

Следующий час я пересказывала Вестону то, что открыл мне Луис. Когда я закончила, он откинулся на спинку стула:

– Ну и работенку мы себе выбрали...

– Да уж. Но я считаю, из нас выйдет хорошая команда и мы быстро приведем заведение в божеский вид.

– Ты так считаешь?

– Безусловно. Если кто и разбирается в гостиничном деле, так это мы. Ведь мы всю жизнь варимся в гостиничном бизнесе, это у нас в крови. Я связалась с двумя подрядчиками – проверенные люди, не один отель Стерлингов ремонтировали – и пригласила одного из них на два часа: терраса над банкетным залом сама себя не построит.

– Почему это обязательно должны быть ваши подрядчики? Я был в одном из ваших отелей с месяц назад: интерьер оставляет желать лучшего.

Моей инстинктивной реакцией было вспылить, но я подавила гнев и проигнорировала оскорбление, применив конструктивный подход.

– Я тебе вот что скажу. Нам в любом случае нужно из чего-то выбирать, так пригласи одного-двух своих людей! Посмотрим, что они запросят по деньгам и какие сроки поставят.

Вестон снова поколебался.

– Ну, ладно.

Мы обсудили другие дела, не терпящие отлагательств, в том числе как быть с работником, которого Луис подозревал в кражах мелкой наличности, и кем заполнить пять ключевых вакантных позиций, в том числе двух персональных помощников. Еще я сегодня должна была встретиться с нашими, стерлинговскими, аудиторами и юристами, которым предстояло начать комплексную финансово-юридическую экспертизу активов «Герцогини», дабы моя семья смогла определиться с суммой предложения.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.